

РОМАНОВЫ

ДАЖЕ ЦАРСКАЯ КРОВЬ
НЕ ЗАЩИТИТ ОТ ПУЛЬ

НАДИН БРАНДЕС

Надин Брандес
Романовы

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)44

Брандес Н.

Романовы / Н. Брандес — «Издательство АСТ», 2019

МЕНЯ ЗОВУТ АНАСТАСИЯ РОМАНОВА. В КНИГАХ НАПИСАНО, ЧТО МЕНЯ БОЛЬШЕ НЕТ. НО ОНИ НЕ РАССКАЗЫВАЮТ И ПОЛОВИНЫ. Меня отправили в ссылку в Сибирь, и я должна пронести с собой древнее заклинание – возможно, это единственный способ спасти семью. У меня есть выбор: использовать магию, не зная, к чему это приведет, или заручиться поддержкой Заша – красивого молодого солдата, который, как и многие здесь, считает нас врагами. Даже мысль о магии пугает меня не так сильно, как влечение к нему. Мы по разные стороны баррикад: изгнанная княжна, судьба которой предрешена, и охрана, приставленная, чтобы не допустить мятеж. Быть вместе – значит подвергнуть опасности нас обоих. Но что, если чувства сильнее страха?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)44

© Брандес Н., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Ремарка	8
1	9
2	20
3	26
4	33
5	38
6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Надин Брандес

Романовы

Nadine Brandes
ROMANOV

Печатается с разрешения издательства Thomas Nelson, a division of Harper Collins Christian Publishing, Inc. и литературного агентства Nova Littera SIA.

© 2019 by Nadine Brandes

© И. Пивоварова, перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

НАДИН
БРАНДЕС

РОМАНОВЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

*Всем тем, кто испытал боль, но отважился надеяться, осмелился
прощать, рискнул жить.*

Вы – доказательство того, что свет всегда одержит победу.

Ремарка

Моя кровь – это мое преступление.

Взгляните, она все еще красная. Прикоснитесь, она все еще влажная. Но если вы вслушаетесь, то услышите: она произносит единственное имя в пульсирующем гимне.

Романова.

Романова.

Романова.

Только из-за этого имени, связанного с моей кровью узами, подобными тем, которыми большевики связаны с русской революцией, мне предрешена смерть.

Потому что даже кровь царей не способна остановить пули.

1

25 апреля 1918 года

Тобольск, Россия

Я смотрела, как сгорают мои дневники.

Страницы сворачивались сами по себе, корчились как паучы лапки, принимая смерть. Мое прошлое, мои истории оборачивались пеплом и завитками дыма. Но я не стану их оплакивать. Большевики могут отнять у меня нечто гораздо более ценное. Я не отдам им своих слез.

Я подтолкнула еще один дневник в белую изразцовую печь, занимавшую угол спальни, которую здесь, в Тобольске, предоставили мне и трем моим старшим сестрам. Здесь – это значит в ссылке. Из дневника выскользнула заложенная между страниц фотография, словно в последней попытке избежать своей участи. Я подняла черно-белый портрет.

Усталые, прикрытые тяжелыми веками глаза, длинная темная борода, волосы, тщательно разделенные на прямой пробор. Григорий Распутин. Наш друг. Наш мастер заклинаний. Он лечил Алексея, наставлял маму и собирался учить колдовскому искусству меня... пока они не убили его. Большевики расстреляли его с той же легкостью, с какой опрокидывали в себя рюмку водки в конце дня. Или в его начале, в зависимости от того, сколько крови обгаляло их руки.

Теперь они шли за нами.

Я бросила фотографию Распутина в огонь. Это фото, больше чем что-либо другое, могло доставить мне неприятности, если приближающиеся большевики устроят обыск. Свидетельство нашей связи с мастером заклинаний сослужит нам плохую службу. Чтобы осудить папу, подойдет любая причина, и не важно, что он уже отрекся от престола.

Я схватила с прикроватного столика книгу по колдовскому искусству и затолкала ее на нижнюю полку маленького книжного шкафа вместе с другими томами. Она была на немецком языке, которого, вероятно, наши русские конвоиры не знают, и вложена в обложку от народных сказок. И все же они найдут ее, если хорошенько постараются.

«Цок, цок, цок» – донесся из коридора стук каблуков папиных сапог. Звуки миновали мою дверь, замерли, затем вновь приблизились. Дверь открылась, и показалось папино обрамленное усами и бородой лицо. Он спокойно обратился ко мне:

– Настя, они уже здесь.

Я захлопнула печную заслонку и поднялась. Папа держался прямо и царственно, несмотря на невысокий рост. Бок о бок мы прошли по холодному до озноба коридору. В тишине. Бывший царь и бывшая княжна. Мы миновали комнату Алексея, и я заглянула туда. Мой тринадцатилетний брат, худой и изможденный, лежал в постели: кожа пожелтела, глаза походили на темные озера, лицо напоминало череп. Он даже не взглянул на нас.

Мои кулаки сжались сами собой. Я исцелю его. Неважно, убьют ли большевики всех магов, если смогут отыскать, или отошлют нас обратно в Санкт-Петербург. Я все равно овладею колдовским искусством и найду способ излечить Алексея.

Из прихожей донесся шум, и я сосредоточилась. Напряжение, вызванное прибытием большевиков, усугублялось тревогой, потому что мы не знали, *что* нас ждет.

В прихожей уже были наши конвоиры – те, с которыми за минувший год мы успели подружиться. Мы остановились, и ноги погрузились в ворс видавшего виды ковра.

В дверном проеме стоял незнакомец, заполняя его огромной тенью. Он был высок, бледнокож, с черными глазами, угловатым лицом и копной вьющихся темных волос. Я сталкивалась с подобным типажом раньше, на тех немногих роскошных балах и приемах, которые мама разрешала нам посещать. Такие люди вечно раздуты от собственной важности. Обычно так себя держат обожающие интриги великие князья или политики, больше интересующиеся восхождением по карьерной лестнице и приумножением власти, чем танцами или беседами.

Почему-то я им никогда не нравилась.

Покорбившиеся окна, выходящие во внутренний двор, искажали, но не скрывали шеренги солдат, стоявших по стойке «смирно» в ожидании. Наши цыплята клевали их обувь, вырывая кусочки серого войлока. Большевики даже не моргали. Должно быть, их прибыло больше сотни! Зачем так много?

Папа широко шагнул к темноглазому человеку и протянул руку для приветствия.

– Добро пожаловать в Тобольск, командир.

Тот не ответил на рукопожатие, вместо этого громко объявил:

– Меня зовут Яков Юровский. По приказу Центрального комитета имени Ленина семья Романовых подлежит переселению.

Переселению? Возможно ли, что они собираются отправить нас домой? Мы были спрятаны в этом тесном домишке целый год, не имея возможности побывать в городе или подышать свежим воздухом дольше, чем жалкий час-другой в день. Мне не терпелось снова вволю побродить по лесу, насобирать опят, размяться... попрактиковаться в магии.

Затаив в душе крохотный огонек надежды, я ждала дальнейших объяснений.

Не дождавись ответного приветствия, папа опустил руку и невозмутимо поинтересовался:

– Куда?

– Это еще предстоит решить. – Ровный голос Юровского погасил во мне едва затеплившуюся искорку надежды.

– Когда? – задал вопрос папа.

– Незамедлительно.

Мама сидела в глубине комнаты, завернувшись в толстые шерстяные одеяла. Вопреки недомоганию суровое выражение не сходило с ее лица. Она выпрямилась в кресле.

– Но наш сын слишком болен, чтобы путешествовать.

– Мне приказано немедленно переселить бывшего царя. – Юровский щелкнул каблуками, грязь с его сапог брызнула на ковер у входа. – Остальные члены семьи меня не интересуют.

Я ахнула, звук эхом пронесся через все помещение, заставив Юровского взглянуть прямо на меня. Он собирается забрать папу *без нас*? Единственное утешение во время изгнания заключалось в нашей сплоченности. Наша сила – в семье. Узы крови Романовых удерживают нас от отчаяния.

Пожалуйста. Пожалуйста, нет.

Папа вскинул подбородок, и конвоиры, вошедшие в комнату, казалось, вытянулись по струнке из уважения к нему. Он будто снова стал царем.

– Я не расстанусь со своей семьей.

– Тогда вас увезут силой. – Юровскому не нужно было указывать на отряд снаружи. Мы оказались в меньшинстве. – Вы можете взять с собой сопровождающих, но мы уезжаем к утру. Остальные члены вашей семьи могут последовать за вами, как только мальчик... почувствует себя лучше. – Он словно хотел сказать «умрет». Непроизнесенное слово тяжело повисло в комнате.

Увезят. Завтра. Силой.

Приказ Юровского обсуждению не подлежал. Мое самообладание выскользнуло сквозь пальцы. Чувства рвались наружу пронзительным воплем. Не может быть, что нас разлучают! Зачем? Для чего понадобилось увозить папу с такой срочностью? Да еще и не сообщив нам, куда именно?

Юровский развернулся на каблуках и обратился к трем большевистским солдатам:

– Проследите за сборами.

Обыска не было. Я зря сожгла дневники. Вместо этого они разрывали на части нас. С учетом болезни Алексея и пошатнувшегося здоровья мамы... возможно, мы последний раз вместе.

Вероятно, папа ощутил растущее во мне возмущение, потому что подхватил меня за локоть и повлек прочь.

– Пойдем, Настя.

– Они не могут разлучить нас! – прошипела я, едва мы оставили конвоиров позади. – Ты им не позволишь!

– Мы не в том положении, чтобы спорить.

– Но куда? Куда они отсылают тебя?

– Наверное, в Москву, на суд.

Мой гнев пылал ярче, чем страницы сожженных дневников.

– Будь прокляты эти большевики! Мне следовало бы продырявить подошвы всех их сапог!

– Вот почему *ты* должна остаться, Настя, – улыбнулся в усы папа. – Чтобы подбадривать всех своими проделками.

Я остановилась как вкопанная.

– Я должна остаться?! – Он уже все решил?

– Мне нужно, чтобы ты кое-что здесь сделала...

– Николай... – Мама догоняла нас быстро, но не теряя самообладания. Ее тревогу выдавали лишь хрупкие пальцы, сжимавшие потрепанный носовой платок. Папа подошел к ней.

Я тяжело зашагала прочь от них, от боли, предоставляя отцу возможность действовать как должно и принимать решения, требовавшие полной концентрации. Жаль, что ни одно из них не предусматривало склеивания моего разбитого сердца.

Но не только у меня оно обливало кровью. Нам всем предстояло нести эту боль.

Я пришла в себя уже в комнате Алексея, сидя у его постели, в то время как он кашлял – слабое, тяжело дышащее создание.

Но это значительно лучше, чем мучительный отрывистый и сухой кашель, который на прошлой неделе стал причиной кровотечения и дал осложнение на почки.

Алексей и раньше шел рука об руку со смертью. Гемофилия никогда не обещала ему долгой жизни. Но когда Распутин еще был жив, он мог исцелить раны Алексея одним-единственным словом, даже из другого города, по телефонной линии.

Теперь же ничто не могло спасти брата, за исключением его собственного желания жить.

Это изменится, если я смогу больше узнать о колдовстве. Мне не терпелось взять немецкую книгу заклинаний и прочесть ее прямо под носом большевиков.

Кашель Алексея утих, и он взглянул на меня, слегка прищурив запавшие глаза.

– У тебя мрачный вид.

Я улыбнулась, успокоенная родным человеком, который понимал: шутка может прогнать даже самые тяжелые мысли.

– Это потому, что ты разлеился и валяешься в постели, а мне приходится выполнять все твои обязанности по дому.

– Счастливая. Ленишься невообразимо скучно. – Брат подмигнул, но это выглядело натянуто, он казался уставшим. – Ты, наверное, уже успела уморить моих бедных цыплят.

– Они плотно позавтракали обувным войлоком.

– Бедные создания. Быть под твоей опекой – страшное дело. – Он указал подбородком на дверь. – Что там происходит? Я знаю, большевики пришли, но мне никто ничего не сказал.

Всегда, когда Алексей болел, семья старалась не вести с ним бесед на тяжелые темы. Я понимала их стремление – безысходность способна повлиять на его волю к жизни и даже повергнуть в уныние, что замедлит излечение.

Но между мною и братом царило полное взаимопонимание, и мы никогда не скрывали истинного положения дел друг от друга. Мы понимали, что неведение приводит в отчаяние со значительно большим успехом, нежели тяжесть мрачных размышлений.

– Они увозят папу.

Алексей, которому вместе с солдатами доводилось бывать на передовой, когда папа еще был царем, воспринял это известие с глубоким вздохом. От этого он закашлялся, и я протянула ему стакан воды с прикроватного столика.

– Что... а что со мной? – в конце концов ему удалось это выговорить. – Я тоже должен ехать. Я царевич.

– Ты недостаточно хорошо себя чувствуешь. – Я с трудом сдержала дрожь.

Лицо Алексея окаменело и приобрело решительное выражение. Он весь напрягся.

– Пока нет. Но буду.

Вот поэтому из него получился бы прекрасный царь.

– Вероятнее всего, они отправят его в Москву, на суд. Папа уедет завтра, а мы последуем за ним, как только тебе станет лучше. – Я сурово взглянула на него. – Командир большевиков думает, что ты умрешь. Ты должен выжить, чтобы плюнуть ему в лицо.

Из коридора донесся папин голос. Я стремительно вскочила на ноги и поспешила наружу, но прежде уловила шепот Алексея:

– Возвращайся и все мне расскажи.

Папа и Мария, которая была всего двумя годами старше меня и с которой мы обычно проказничали, тихонько беседовали в холле. Лицо ее выглядело бледным в обрамлении длинных каштановых волос, но она отважно кивнула и направилась в нашу комнату.

Я поспешила оказаться рядом с папой.

– И что ты решил?

– Твоя мама присоединится ко мне, – наконец сказал он. – Мария поедет в качестве ее сопровождающей.

Не я.

Должно быть, он смог разглядеть смирение на моем лице, потому что коснулся ладонью моей щеки, и я не смогла сдержать слезы.

– В мое отсутствие домашним хозяйством будет заниматься Татьяна. У тебя другая задача.

Итак, решение было принято. Вот так просто. словно хирург раскроил мое сердце на две части. Оно билось в рваном ритме. Все случилось слишком быстро. Меня хотели оставить. Здесь, среди незнакомцев и врагов.

Я вцепилась в его рукав.

– А другого выхода нет?

Моя мольба с таким же успехом могла быть обращена к охранникам в коридоре. Но у меня не было причин скрывать свою любовь к семье.

В ответе папы прозвучало такое же отчаяние.

– Я его не вижу, Швыбзик. – Он повел меня по коридору подальше от охранников. – Когда Алексей поправится достаточно, чтобы перенести путешествие, вы с сестрами последуете за нами.¹

¹ В оригинале: shvibzik. Прозвище великой княжны Анастасии Романовой. (Здесь и далее – прим. пер.)

Я открыла рот, чтобы возразить – мне нравилось спорить, – но папа вдруг задал вопрос, казалось бы, не относящийся к обсуждаемой теме:

– Когда ты в последний раз читала рассказы Пушкина?

Мой рот резко захлопнулся, как у Щелкунчика. Пушкин. *Пушкин*. Прошло несколько мгновений, словно он хотел убедиться, что я поняла скрытый смысл тихого вопроса. Так много семейных разговоров в эти дни состояло из тайных сообщений и шифра.

Пушкин означает «секреты».

Слезы высохли. Я не смогла сдержать лукавой усмешки.

– Как раз сегодня собиралась прочитать один из них. – Как только он уедет, проберусь в библиотеку и отыщу тот секрет, который он спрятал для меня.

Папа оглянулся. Охранников в поле зрения не было. Мы остановились.

– Настя, ты лучше всех разбираешься в заклинаниях. Я не доверял Распутину так, как мама, но знаю, что он учил тебя и, скорее всего, делал это хорошо. – Тайным шифром мы больше не пользовались.

– У него было время только на то, чтобы показать мне основы. – И даже их едва-едва.

– Но это больше, чем знают твои брат и сестры. Вот почему ты должна сохранить семейную матрешку и привезти ее с собой, когда вы присоединитесь к нам.

У меня перехватило горло. Тринадцать лет назад мне довелось наблюдать, как они с мамой открыли эту раскрашенную игрушку и выпустили запретное заклинание, которое помогло Алексею. С тех пор я куклы не видела.

– Эту куклу сделал Дочкин.

Василий Дочкин, самый уважаемый и умелый маг в России.

– Да. Не дай большевикам завладеть ею.

В моей голове лихорадочно метались вопросы и ответы. После Распутина люди стали с особым подозрением относиться к магам, убежденные, что те способны контролировать чужие мысли. С тех пор как началась революция, вынудившая папу отречься от престола, колдунов выслеживали одного за другим.

– Большевики могут использовать куклу, чтобы найти Дочкина и убить его, – предположила я. – Я должна его защитить.

Революционеры были глупы. Они многого не знали о магах. Заклинания старых русских мастеров сейчас надо было хранить в тайне. Мне нравились тайные вещи.

– Не потому я доверяю ее тебе. – Папа вновь оглянулся. – Эта кукла, Настя, бесценна. Возможно, она единственное спасение нашей семьи.

Знакомый трепет пронзил мою грудь. Папа полагался на меня, а не на моих старших сестер, Ольгу или Татьяну, потому что знал – я смогу это сделать. Я умела хитрить – они же были слишком честными.

– Я не подведу тебя, папа.

Он поцеловал меня в лоб.

– Как всегда. А теперь иди и помоги Марии собраться.

Я развернулась на каблуках и стремительно зашагала по коридору губернаторского дома в Тобольске, как великая княжна Анастасия Николаевна по Александровскому дворцу.

Казалось, что отречение папы случилось давным-давно.

Можно вообразить, что ссылка осталась далеко позади.

И теперь, когда отец дал мне задание, я могла – всего на миг – забыть о своем страхе никогда не увидеть его, маму или Марию вновь.

Я вошла в спальню, которую делила с сестрами. Мария стояла, не отводя пристального взгляда от коричневого чемодана. Для крепкой коренастой девушки восемнадцати лет она выглядела слишком уязвимой и неуверенной.

Я вздохнула и прошла через комнату.

– Мне *придется* помочь тебе. – Я вытянула книги из шкафа и запихнула в чемодан сестры, удостоверившись, что у нее есть самые необходимые – Толстой, Достоевский, Тургенев, Чехов. Я боролась с завистью от того, что едет она. Но кто тогда останется с Алексеем?

Мария стряхнула с себя оцепенение, чего я и ожидала, повернув трюк с книгами. Она выбросила их из чемодана и уложила взамен расшитое бисером платье.

– Я не могу позволить маме быть одной на суде над папой.

Я попыталась незаметно подложить ей два забракованных томика. Как она собирается бороться со скукой в поезде без книг?

– Мария, тебе не понадобится вечерний туалет в суде.

Возможно, и никогда больше. С чего бы ей брать платье в Тобольск, если не из-за врожденного стремления всегда быть очаровательной?

Если повезет, то суд позволит нам – последним из рода Романовых – исчезнуть в сельской глубинке и жить без страха, как обычным людям.

– Это *Москва*, – подчеркнула интонацией Мария. – Я предпочту удачное платье старым пыльным книгам. – Она выбросила томики, и я успела поймать все, кроме Достоевского, который грохнулся на пол вверх корешком. Мое сердце ёкнуло от звука, с которым смялись страницы.

Я бережно подняла томик.

– Ты знаешь, что Достоевский какое-то время жил в Тобольске, в ссылке? – Я протянула ей книгу. – Было бы дурным предзнаменованием оставить его здесь.

– Тогда *сама* возьми ее, когда присоединишься к нам.

Я скривилась, не заботясь о том, как по-детски это выглядит. Мне следовало соответствовать образу шестнадцатилетней княжны. Ладно, бывшей княжны.

– Когда еще это случится.

– Мы встретимся, Швыбзик.

Она использовала мое домашнее прозвище – по-русски «чертенюк», однако это никоим образом не ослабило усиливающегося страха.

– Ты должна писать мне.

– Если они позволят. – Руки Марии замерли. Она склонилась над чемоданом, пытаясь скрыть терзающую ее боль.

– Стоит тебе только улыбнуться, и они позволят делать все, что пожелаешь. – Я уложила на дно чемодана пергамент. Кто-то должен быть сильным. Вот так мы, сестры, и действовали. Когда одна ослабевала, другая заставляла себя собраться. – Вы с папой подружитесь с большевиками там, как с солдатами здесь, в Тобольске. Отец, может, и отрекся от престола, но мы все еще царская семья. Мы – Романовы. Узы наших сердец...

– ...охватывают километры, память и время, – завершила Мария.

Головы народа нашей любимой России были забиты пропагандой, которая рисовала папу как слабого, беспечного царя, с полнейшей безучастностью перенесшего огромные потери русских солдат в войне. Это доказывало, что люди, сочинившие ее, вообще не знали отца. Наша единственная надежда заключалась в том, чтобы открыть большевикам совершенно иную картину. С момента прибытия в Тобольск мы успели привязаться к охранникам. Я верю, что они тоже к нам привязались или, по крайней мере, увидели нас такими, какими мы являемся на самом деле. Не в искаженном революцией виде.

Но все изменилось. Нас разделили. Волей народа был свергнут отец, а теперь большевики низлагают временное правительство. Владимир Ленин отвечает за Россию, и никто не знает, что он собирается делать. Мне было страшно. Наши голоса утратили власть.

Никто не мог перекричать революцию.

Мария захлопнула чемодан:

– Алексей чувствует, что наша разлука – его вина.

Я легла на кровать, пристально вглядываясь в отвалившуюся краску на потолке.

– Виноваты большевики. Если бы они просто признали, что мы не представляем угрозы для нашей любимой России, мы могли бы мирно жить где-нибудь в маленькой деревушке.

– Именно это и будет решено на суде.

В ту ночь никто не спал.

Мы встретили рассвет усталыми, с покрасневшими глазами и ослабевшей волей. Ольга – вторая мать для брата и сестер в свои двадцать два – пошла проведать Алексея. Татьяна провела утро с папой, выведывая даже самые незначительные факты, которые могли бы помочь ей в общении с большевиками. Мы с Марией в молчании позавтракали в спальне. Одно-единственное слово разрушило бы плотину, сдерживающую слезы. Нам сегодня необходимо быть сильными.

Мария одной рукой подняла чемодан с кровати. Я не предложила помощь – если я отличалась хитростью, то она – крепкими мускулами. Мы прошли к выходу, где мои закованные в доспехи чувства грозили вырваться наружу. Наша семья стояла в две шеренги, выстроившись на коврике у двери.

Те, кто уезжал: папа, мама, позади Мария.

Те, кто оставался: Ольга, Татьяна, я и Алексей, сидевший в деревянном кресле-каталке и закутанный в одеяло, так плотно, что я с трудом могла разглядеть его лицо под копной медно-красных волос.

Нам предстоит попрощаться.

Третья шеренга наблюдала за нашим прощанием. Тобольские солдаты. Папа подошел и пожал им руки. Каждый из них был мрачен – словно прибывая в таком же смятении от папиного отъезда, как мы. Он раздал несколько сигарет и посмеялся с одним из солдат, вспомнив недавнюю партию в карты.

Возле двери стояли большевики. Те самые, которые увозили папу. Я не обращала на них внимания. Это было *наше* мгновение. Мой взор встретился с папиным. Его глаза сияли той душевной болью, которая и теперь разрывает на кусочки мою душу.

Первой я обняла на прощание маму. Затем повернулась к Марии. Она плакала открыто, мои же глаза оставались сухими.

– Ты должна тоже писать мне, Настя.

Я обняла ее.

– Тебе придется написать первой, рассказать, где вы остановитесь.

К папе я подошла после всех. Он прижал меня к себе и притиснул к груди, уткнувшись лицом мне в шею. Никогда еще он не обнимал меня с такой нежностью. Рыдания вырвались на свободу, разбивая вдребезги принятое решение не плакать.

– *Я тебя люблю.*

– Я тоже тебя люблю, Швыбзик. – Он не напомнил мне о кукле. Я ему – тоже.

– Позаботься об Алексее, – умоляла мама, пока папа увлек ее прочь от детей, которых она, возможно, больше не увидит. «*И позаботься о нашей тайне*» – читалось в ее глазах. Даже теперь, посреди ужаса и разлуки, мы должны были держать в секрете болезнь Алексея.

Хотя брат и был слишком слаб, чтобы подняться из кресла, он пронзительно произнес:

– А может быть, *мне* следует позаботиться о сестрах.

Все мы ухватились за эту слабую попытку пошутить. Это придало мне достаточно сил, чтобы смотреть, как папа, мама и Мария удаляются в апрельское утро. Алексей задрожал, и обещание с трудом сорвалось с моих губ, прежде чем прислуга повезла его кресло обратно в комнату.

Мама смотрела на меня, когда просила нас позаботиться о нем. Как и я, она была второй по младшинству. Ее собственный брат страдал от гемофилии. Но он умер.

Мой – нет.

Несмотря на то что Ольга и Татьяна ухаживали за ранеными солдатами во время войны и приобрели медицинские навыки, именно связь между мной и Алексеем приносила истинное исцеление, в котором он нуждался.

Я вошла в его комнату как раз в тот момент, когда он вытирал глаза рукавом. Доктор Боткин измерял ему пульс. Он покосился на карманные часы сквозь круглые очки, его лысеющая голова сияла под единственной электрической лампой. Алексей не стыдился своих слез. Его слабость прогоняла мою собственную. Мне вновь предстоит быть сильной.

– Итак, Настя... Возможно, я в последний раз вижу наших родителей и сестру. – Пораженная болезнью кровь всегда угрожала отобрать его у нас. Жизнь человека с гемофилией обычно не бывает долгой. Однако она может быть немного дольше, если вы царских кровей и имеете преданного семейного доктора.

Я скрестила руки.

– Ты и впрямь не увидишь их снова, если продолжишь кататься на санках по губернаторской лестнице. – Это случилось несколько месяцев назад, и Алексей все еще поправлялся. Возможно, он надеялся, что не переживет столь сурового испытания. Здесь, без престола, наследником которого он был, во времена изгнания и дней бесконечной боли я понимала, почему ему непросто найти причину жить.

Доктор Боткин похлопал Алексея по колену:

– Вы снова будете вместе, царевич. Вы воссоединитесь.

Мы с Алексеем вместе усмехнулись заверению доктора. На это никто не мог повлиять, но даже пустое обещание на миг успокоило бы сердце.

Доктор Боткин приложил аппарат Фона к суставам и мышцам Алексея, чтобы сдержать развитие атрофии.

– Я могу этим заняться, доктор, – вмешалась я, мельком взглянув на брата.

Алексей кивнул, и доктор Боткин позволил мне разложить прибор на ногах брата, пока тот нагревался.

Затем он собрал свои вещи и вышел из комнаты. В миг, когда дверь закрылась, Алексей спросил:

– У тебя есть заклинание, Настя? Я хочу поправиться как можно скорее.

Я сунула руку в карман юбки и вытащила маленькую жестянку.

– Только одно. Я использовала на него последние колдовские чернила и не знаю, как сделать еще. – Вообще удивительно, что мне повезло отыскать бутылочку чернил в этом заброшенном губернаторском доме.

Я отвинтила крышку. На дне, на тонкой металлической пластинке мерцало подобно радуге сквозь покрытое брызгами окно или мыльному пузырю под солнечным светом единственное начертанное слово. В жизни мне попадалось множество чарующих зрелищ, но колдовские чернила относились к самым любимым.

Облегчение – единственное заклинание, которым я владела. *Облегчение*.

– Оно снимет боль, но не исцелит тебя.

Алексей кивнул.

– Это позволит мне немного расслабиться. Все равно поможет.

Я бросила осторожный взгляд на дверь, прежде чем провести пальцем по дну жестянки; слово изогнулось и приклеилось к моей коже. Я переместила заклинание на кожу Алексея – спиралевидный, подобный улитке, след мерцающих чернил.

Брат сжал зубы под моим легким прикосновением.

– *Облегчение*, – прошептала я.

Искрящиеся чернила впитались в кожу Алексея. Он облегченно вздохнул и расслабленно утонул в подушках. Я сунула пустую жестянку обратно в карман юбки, сердце бешено колотилось. Большевики не поймали нас.

– Подействует через несколько часов. Потерпи. Скоро ты поправишься достаточно для путешествия, – улыбнулась я, пылая от собственной мятежности: еще бы, использовать заклинание прямо под носом врага. – Теперь уже скоро.

– Мы все еще позади, – вздохнул Алексей. – Я – обуза.

– *Тише!* – Я щелкнула мизинцем по его плечу. – Ты не такой уж толстый, чтобы быть обузой.

Он округлил глаза, и я опустилась на колени у его постели.

– Только вообрази, – таинственно сказала я, – мама и папа оставили нас вместо себя для выполнения секретной миссии.

Алексей вскинул голову в ответ на эту игру.

– Миссия шпионажа.

– Миссия озорства.

– Миссия... *магии*.

Его серо-голубые глаза расширились.

– И представь себе: мы и в самом деле скоро станем их спасением! Как мы уже обсуждали, доктор Боткин выводит из строя большевиков.

– Bravo, доктор Боткин, – разразилась я аплодисментами, и мы оба тихонько рассмеялись, вообразив нашего дорогого доктора, орудующего стетоскопом как оружием.

Почти так же стремительно, как рассмеялся, Алексей стал серьезным, и его лицо вытянулось.

– Но что, если я никогда не окрепну достаточно для путешествия?

Я взяла его за руку.

– Знаешь, ты нарушаешь правила.

Его пальцы сжали мои – прикосновение, сопровождаемое глубоким вздохом. Я была достаточно осторожна, чтобы не возражать слишком решительно.

– Ты и раньше был слаб, так уж сложилось. Каждый раз ты думаешь, что это последний. Но снова и снова восстанавливаешь силы.

Однако на этот раз отличие было.

Большевики ждали приговора суда над папой. Как только появится решение, наши судьбы будут определены. Тогда они смогут отправить нас, куда только пожелают. Мне больше нравились солдаты, с которыми мы играли в карты. Те, кто делился с папой папиросами и высиживал до конца на моих глупых воскресных спектаклях.

– Мы расстаемся ненадолго. – Я поднялась. – Вообще-то мне пора собираться. – И вышла из комнаты Алексея, как раз когда его храбрый маленький спаниель рыже-белого окраса прошествовал в комнату. Оглянувшись, я заметила, как лицо Алексея посветлело от радости, когда Джой плюхнула обе передние лапы на край его кровати.

Мой путь лежал в библиотеку.

По сравнению с библиотекой Александровского дворца, в доме губернатора Тобольска она смотрелась как огарок свечи перед роскошной люстрой. И все же для меня она была ярким светочем. Здесь папа читал нам каждый вечер.

Сегодня этого не произойдет.

В камине не горел огонь, который помог бы справиться с ознобом. Единственные очаги пламени сияли в спальнях. И даже их никогда не хватало, чтобы унять холод внутри нас. Как и Санкт-Петербург, Тобольск был готов разразиться сильнейшим снегопадом даже в относительно теплые месяцы. Река Иртыш еще даже не оттаяла.

В библиотеке не было солдат, но я рассеянно скользила взглядом по полкам, сохраняя невинный вид – один из моих наиболее ценных талантов. Остановившись на томике стихов, я бегло его пролистала, видя слова, но размышляя только о папином отъезде. Нет. О папиной миссии. Я не собиралась думать о том, что он просто уехал.

И не стану.

Мы снова будем вместе.

Я захлопнула поэтический сборник и стремительно шагнула к шкафу, в котором стояли труды Пушкина. Пальцы покалывало, хотя я не касалась книг, скользя по корешкам глазами. Ничего необычного, но полки были глубокими.

Я взяла один томик, вглядываясь в темное пространство позади него. Красная и золотая краски выделялись на фоне темной краски. Мерцание тайн. Надежды. Приключений.

Матрешка.

Я погрузила в тень кончики пальцев.

– Вам не стоит находиться здесь без сопровождающих.

Натянутые, словно, струны, нервы, казалось, издали громкий скрежет от внезапного звука голоса, но тело не отреагировало, вышколенное не реагировать на неожиданности. Все внутри меня жаждало отдернуть пытлившую ладошку и сделать вид, что я вовсе не тянулась к полке. Вместо этого я вскинула голову и натянуто улыбнулась.

– Неужели чтение так опасно? – Я едва не подавилась последним словом, когда сфокусировалась на источнике голоса.

Незнакомец.

Солдат. Большевик.

Он не был одним из добрых охранников. Я никогда не видела этого человека. Он неподвижно стоял в своей большевистской форме, демонстрируя значок с красной звездой, плугом и молотом в центре. Он выглядел едва ли старше меня, хотя я и не могла полностью рассмотреть его черт под войлочной шапкой – «буденовкой». Изящный разрез глаз подсказывал мне, что он уроженец восточной части России. Может быть, откуда-то из здешних мест? Старые глаза на юном лице.

– Вы, должно быть, новенький. – Я старалась говорить дружелюбно. С каждым новым солдатом – или большевиком – на нас возлагалась новая миссия показать: мы не такие, как изображает революционная пропаганда. Но с отъездом половины семьи я лишилась уверенности, что смогу сегодня с этим справиться.

Он перевел взгляд на полку.

– Нашли что-нибудь интересное?

У меня появилось чувство, что он говорит не о книгах.

– Я нахожу интересной любую книгу. – Я незаметно стянула с полки томик Пушкина, кончиками пальцев подталкивая матрешку глубже в тень.

Большевик не улыбнулся, но в этом не было ничего необычного. Эмоции – собственность человека. Даже фальшивые. От нас не требуется разделять чьи-то чувства, если мы этого не хотим.

Большевик шагнул в тусклый свет комнаты и приблизился ко мне.

– Как вас зовут? – спросила я, чтобы избавиться от тяжелого молчания.

Он остановился в нескольких шагах от меня и протянул руку за книгой. Дыхание перехватило. Мог ли он подслушать папины наставления?

Я протянула ему том.

– Пушкин.

– Его все любят, – сказал он таким тоном, что я почувствовала себя пустым местом. Посредственной. Обыкновенной.

Мы не можем этого допустить.

– Позвольте мне сделать другой выбор. – Я вложила в его руку книгу волшебных сказок для детей, собираясь пошутить, но он взглянул на обложку с тем же безразличием, которое сохранял с тех пор как вошел в библиотеку.

Это была еще одна попытка проявить радушие. Мне может потребоваться время, чтобы наладить контакт с этим большевиком, но я добьюсь понимания. В конце концов, чем еще остается заниматься в Тобольске?

Я выхватила Пушкина из его рук и плюхнулась на диван, сделав вид, что собираюсь почитать. Я надеялась, что он уйдет или по крайней мере удовлетворится тем, что я не занимаюсь ничем опасным. Но он стоял там, бегло просматривая волшебные сказки.

– Меня зовут Заш. – Он захлопнул книгу и вернул ее на полку.

Надо же. Неужели это было так трудно?

– Настя. – Хотя ему и так было известно мое имя. Еще год назад ему пришлось бы склониться передо мной. И все же мне хотелось, чтобы он понял – я не жду формальностей. Первый шаг в попытке достучаться до солдата – продемонстрировать, что я человек и не ожидаю обращения, соответствующего положению великой княжны.

– Я знаю, кто вы. Знаю, что сделала ваша семья. Не надейтесь, что я попадусь на удочку дешевого дружелюбия, которым ваш отец промывал мозги другим солдатам, – ответил он, а затем развернулся и вышел из комнаты.

Я сделала вид, что читаю. Мои глаза скользили по строчкам, и я перелистывала страницы с обычной скоростью, но мыслительных способностей хватало только на противостояние сильнейшему желанию отыскать куклу. Я сосредоточилась на этом, а не на том, что моя кожа буквально пылала от оскорбления Зашем. Последнее беспокоило меня больше всего.

Он верил пропаганде – что папа слабый правитель, который не заботился о народе, устраивал приемы, когда крестьяне умирали от голода, что его жена управляла им... Я не могла осуждать Заша – откуда ему знать, что все не так? Но это предвещало новые сложности. Донести до него и других большевиков правду теперь казалось почти безнадежной задачей.

В итоге свечи догорели и я вернула томик Пушкина на полку. Затем окинула комнату взглядом... и сунула матрешку в рукав.

2

Граната в моей ладони была бы более безопасной, чем матрешка.

Я сидела на кровати в своей комнате, уставившись на маленькую деревянную игрушку. Обычная матрешка заключала в себе несколько миниатюрных кукол, одну в другой. Значит ли, что эта содержит слои заклинаний?

Я все вертела и вертела ее в руках, ощупывая большим пальцем каждый миллиметр древесины. Никакого шва. Неужели нет способа открыть ее, чтобы проверить заклинания внутри? Может быть, там колдовские чернила? Я потрясла игрушку, и матрешки внутри застучали друг о друга. Попыталась раскрутить, но она не поддавалась.

Эту куклу сделал Дочкин. Папа велел мне беречь ее – но точно знает, что внутри. Так что я оставила все как есть. Несмотря на свое прозвище «чертенок», я слишком уважаю отца, чтобы забавляться с тем, что, по его словам, может стать спасением нашей семьи.

Я поставила игрушку на полку в другом конце комнаты к свечам, музыкальным шкатулкам и другим безделушкам.

Лучше всего прятать что-либо под одеждой. Но если это по каким-то причинам невозможно, следующее подходящее место – у всех на виду. Люди ищут там в последнюю очередь.

– Есть новости? – поинтересовался большевик, подавив смешок, когда я проходила мимо.

Они были с нами уже две недели, и ни один из них не смягчился. Пятьдесят солдат с ружьями, которые не хотели узнавать нас лучше. Пятьдесят человек, которые смеялись надо мной, зная, что я не получала ни единого письма от Марии. Расчеты не сходились. Она должна была приехать в Москву спустя три-четыре дня, еще через пару дней устроиться и написать. Еще через три дня письмо должно было дойти до меня.

И все же никаких вестей.

Я старалась не волноваться. Пересылка заняла больше времени. Кроме того, большевики должны проверять каждый клочок отправляемой бумаги. Возможно, из-за суда сестра была слишком занята. Может быть, они не позволяли ей писать.

Жгучее желание вспыхнуло в душе, но я подавила его. Мне хотелось уехать из Тобольска. Из Сибири. Я хотела быть *дома*. Или чтобы мне позволили сделать это место нашим домом – любое место, лишь бы оно было нашим. Общим.

Мои мысли ускользнули далеко от реальности и от надзирателей – к невообразимому. На поезд напали по дороге в Москву... или революционеры стали преследовать папу, когда он шел на суд... или большевики вытащили оружие и...

– Почта уже пришла? – чуть слышно спросил Алексей, когда я проходила мимо его комнаты. Он лежал в постели, подключенный к электротерапевтическим аппаратам, чтобы стимулировать слабые мышцы ног. У меня не было заклинаний, которые могли бы помочь ему. Он только-только начал самостоятельно садиться.

Я отрицательно покачала головой. Потом вернулась к себе в комнату и снова повертела в руках матрешку. Ничего не изменилось. Может, нужно произнести определенное слово, чтобы она открылась? Чернила в бутылке закончились, а Распутин никогда не рассказывал мне, как сделать еще.

Дверная ручка скрипнула, и я едва успела вернуть игрушку на место, как вошла Татьяна – моя старшая сестра. Ее короткие золотисто-каштановые волосы были элегантно уложены выше плеч. Всегда собранная. Всегда прекрасная.

– У меня есть для тебя работа, – сказала она.

Всегда властная. Но я бы воспользовалась любым способом отвлечься.

Она сунула мне в руки набор для шитья.

– Перед отъездом мама велела нам избавиться от лекарств.

Лекарства было нашим кодовым словом для драгоценностей.

– Мы все починим прямо здесь, – произнесла она голосом таким же хрупким, как обледеневшие листья снаружи.

Я плюхнулась на кровать, схватила корсет, который ненавидела носить, и принялась за работу, вскрывая шов.

– По крайней мере, есть *то*, что мы можем сделать, чтобы противостоять этой революции.

– Тише, – прошептала Татьяна. Она сосредоточенно изучала свою работу, словно зашивала рану на голове солдата – чем занималась много раз во время войны. Это напомнило мне, что наше занятие – наш долг. Нужно оставаться начеку.

Я уложила жемчуг между косточками корсета, затем продела нитку в иголку. Я слишком сильно сжала иглу, когда проталкивала ее сквозь ткань, и укололась. Мы не сможем уложить в чемоданы никаких ценностей, когда отправимся к папе, маме и Марии. Украшения придется носить на себе, чтобы, если удастся вырваться из плена Красной армии, у нас были деньги на жизнь.

– Как думаешь, мы скоро к ним присоединимся?

Татьяна, по крайней мере, даст мне прямой ответ. В этом она похожа на папу.

Сестра вложила бриллиантовый браслет в шов манжеты своего пальто.

– Вероятно, это займет еще несколько недель.

Я пришила лоскут плотной ткани поверх шва.

– Мы не получили никаких известий. Ты... переживаешь? – Я туго стянула швы, чтобы они выдержали любое предстоящее путешествие.

– Завяжи двойным узлом. – Ее игла порхала сквозь ткань. – Конечно, я тоже жду новостей, но, думаю, большевики просто скрывают их. Скоро они пропустят письмо.

– Проклятые узурпаторы! – Я так сильно затянула нитку, что она порвалась. По рукам пробежали мурашки, и мой взгляд метнулся к двери.

Заш стоял там, глядя на нас. Мои руки замерли. Как он мог подойти настолько тихо? Что он успел услышать? Его презрительная усмешка подсказала мне, что парень по крайней мере уловил мое приглушенное проклятье.

Я робко улыбнулась ему.

– Вы меня осуждаете?

Татьяна завязала узелок на нитке, прежде чем отреагировать более разумно.

– Вы принесли новости, сударь?

– Вы должны заниматься штопкой и развлечениями в гостиной. – Он больше не носил буденовку, и я рассмотрела его струящиеся черные волосы. Он выделялся среди других красноармейцев выступающими скулами. Характерный цвет кожи свидетельствовал о многих годах, проведенных под солнцем. Лицо не холеное, не похожее на те, что обычно бывают у мужчин во дворцах. Лицо солдата. Мне нравилось, даже больше, чем хотелось бы.

– Кроме того, двери в спальни больше не разрешается закрывать.

– А как насчет сна? – воскликнула я.

– Даже тогда.

Я открыла рот, но Татьяна положила руку мне на плечо.

– Разумеется, мы подчинимся. – В ее спокойном тоне прозвучал отголосок папиного мужества. Я замолчала. Смирная. Послушная. Ради папы.

Но оставляя двери открытыми, мы выпустим то небольшое количество тепла, которое нам удалось сохранить в спальнях. Скорее всего, будет очень холодно. И никакого уединения! Даже чтобы переодеться!

Заш стоял в дверях, пока мы не закончили шить. «Лекарства» остались лежать в нашем багаже, ожидая, пока мы будем вынимать их одно за другим. Повезло, что я успела зашить жемчужный браслет.

Татьяна первой отправилась в гостиную, а я помедлила, выплескивая раздражение на корсет и пальто, пока их складывала. Вины Заша в том не было. Он просто донес до нас приказ, так что пока я собирала шитье, успела обрести привычное расположение духа.

– Спасибо, что доставили сообщение, – ослепительно улыбнулась я. Он нахмурился.

– Вы можете отбросить фальшивую доброжелательность.

Мои брови взлетели вверх.

– Я вовсе не притворяюсь. Мне тоже нелегко, но какой прок от враждебности?

Он закрыл дверь нашей спальни и широко зашагал по коридору. Я побежала следом, догоняя его.

– Вам нравится нас ненавидеть?

– Вы больше не великая княжна. Я не обязан ни разговаривать с вами, ни отвешивать поклоны.

Мое лицо вспыхнуло.

– Я все еще человек. Не жду ни бесед, ни реверансов, лишь немного обычной вежливости.

– Вы и ваша семья разрушили нашу страну! – воскликнул он, остановившись посреди коридора. – Единственной задачей вашего отца была забота о людях. А он даже едва знал их. В своих золотых залах и дворцах вы даже не представляли, что сделали с народом России.

Я не сразу сообразила, что ответить. Аргументов не находилось. Меня воспитывали иначе. Да, мы редко бывали среди простых людей, но я знала папу. Чувствовала его сердце. Видела, как Ольга и Татьяна помогали солдатам. Я знала о любви нашей семьи к людям. Разве они не понимали, что мы их любим? Неужели они никогда не думали об этом?

Внезапно мне захотелось узнать историю Заша. Он не враг – просто растерянный парень, не понимавший меня. И я не понимала его.

Я потянулась к его руке, и свернутый корсет упал на пол.

– Тогда расскажите мне. Я хочу понять.

Он отшатнулся, казалось, застигнутый врасплох моим ответом:

– Уже слишком поздно. Просто... просто выполняйте наши приказы и прекратите... перестаньте со мной разговаривать.

Я подобрала корсет и последовала за ним в гостиную. Я хотела понять, почему он так думает. Он ошибался насчет нас. Мы спали на походных кроватях, сами стелили себе постели, носили простую одежду и обожали Александровский дворец, наполненный деревянной мебелью и предметами первой необходимости, а не золотые стены Екатерининского. Родители воспитывали нас в любви к семье, а не к роскоши.

Папа не хотел, чтобы ему вернули трон. Все, чего мы жаждали, – получить свободу и построить где-нибудь в селе небольшой дом. Но я решила, что Заш не поверит в это, как не поверил в искренность моей доброты.

Первое письмо Марии ударило по нашей семье, как лезвие топора по деревянной колоде.

Мы не в Москве.

Папу не судили.

Они отдали нас большевикам.

Я уставилась на строчки, челюсти свело, горло перехватило, словно я умудрилась проглотить пельмень целиком. Они не отдали папу под суд? Они не отправили нас в новый тихий дом. Вместо этого...

– Что там написано? – повис в вопросе Алексея вязкий страх. Он прочел по выражению моего лица: что-то не так. Я даже не пыталась это скрыть. Только не от брата. Он оставался слаб – еще больше худел и даже не мог ходить самостоятельно. Я старалась не злиться на него за его болезнь.

В том не было его вины, но все же именно он удерживал нас взаперти в этом тобольском доме.

В ловушке ожидания. Сомнений.

Всеми брошенных.

– Большевики. – Мои губы шевелились, но голос сопротивлялся, как будто произнести это вслух означало бы воплотить написанное в реальность. – Никакого суда не было. Они... они передали их – нас – большевикам. Хотят выслать из страны.

Врагам. Тем, кто желал нашей смерти.

Дрожащей рукой я передала ему письмо.

Если я прочла ровно столько, сколько могла выдержать, то Алексей просматривал все письмо, и его глаза расширялись с каждой строкой. Но он не останавливался. Он прорывался сквозь залпы обжигающих слов, несмотря на ожоги в наших сердцах. И заполнял пробелы, озвучивал то, что я прочитать не смогла – не хватило смелости. Каждое предложение словно неотвратимо раскачивало маятник и било наотмашь.

Тик.

– Они в Екатеринбурге.

Так.

– Их отправили поездом.

Тик.

– По прибытии их обыскали.

Так.

– Мы должны следовать...

Его голос затих, а взгляд опустился на ноги. На электротерапевтические аппараты. Словно вызванный страхом, из его груди вырвался кашель: сухой, хрипящий, сгибающий его тело узловатой рукой.

Я не знала, как подбодрить брата. Я не могла его исцелить. Большевики уже не просто были нашей охраной – теперь мы принадлежали им.

Алексей не был готов к путешествию.

Изгнание убьет его.

Корсет впивался в кожу, но я понимала – как и с любой парой новых туфель или тяжелым ожерельем – мне придется терпеть это неудобство. Нужно терпеть, ведь я не собиралась слишком часто снимать нижнее белье, отягощенное драгоценными камнями.

Наши чемоданы были набиты вещами, а сердца – воспоминаниями. Мы отправимся в Екатеринбург, как только комендант Юровский вернется за нами.

Я молилась, чтобы он поскорее приехал, тогда наша семья воссоединится.

Я молилась, чтобы он задержался, тогда Алексей сможет отдохнуть и хоть немного подлечиться.

Я ответила на письмо Марии, сообщив, что мы удивлены новостью, и написала о планах присоединиться к ним как можно скорее. Рассказала, как Алексей, будучи ослабленным

и исхудавшим, все же становился сильнее благодаря, кажется, лишь силе воли. Мне оставалось только упаковать матрешку. Я к ней не притрагивалась – чем больше пыли осядет на игрушке и чем сильнее она будет сливаться с обстановкой, тем меньше шансов, что большевики смогут заподозрить ее важность.

Комендант Юровский прибыл через неделю. Я последовала за Ольгой и Татьяной в прихожую, чтобы мы могли приветствовать его.

– Держитесь, – сказала Ольга, прежде чем мы спустились по лестнице.

– Разумеется. – Я намеревалась вести себя точно так же, как и всегда.

– Вы уедете утром, – объявил Юровский, как только мы втроем вошли. Никакого приветствия. Никаких формальностей. – Все вещи будут подвергнуты досмотру.

Большевики стояли за его спиной, высокие и непреклонные, в идеально вычищенных кожанках. Заш устался в затылок Юровскому, словно лицеизрел сияющий венец.

Тобольские солдаты – наши почти друзья – образовали отдельную группу, выглядевшую неуютно и неуместно.

– Досмотр? – спросила я Юровского. – Что вы надеетесь найти? Возможно, у нас получится вам помочь. – Я мило улыбнулась, наслаждаясь прикосновением бриллиантов к ребрам.

Ольга ущипнула меня за руку. Татьяна вздохнула.

– Я рассчитываю найти покорность. – Юровский вытащил из пиджака карманные часы, взглянул на циферблат и захлопнул крышку.

Мы ждали. Он смотрел на нас сверху вниз, словно ожидая, что мы будем извиваться. Но от этого взгляда я не стала червяком.

Ольга же, несмотря на нежное сердце, обладала острым язычком, более пылким, чем потрескивающий очаг.

– Можете начинать, – сказал Юровский своим казеннолицым солдатам.

Они разорвали строй, и в груди поднялась паника. Кукла. Мой взгляд встретился со взглядом Заша. Он выглядел таким же угрюмым, как и в те разы, когда мы общались. Возможно, виновато мое воображение, но мне показалось, что он направился напрямиком к нашей спальне.

– Пойду собираться, – заявила я приглушенно, но достаточно громко, чтобы услышал Юровский. Мне нужно было, чтобы это прозвучало смиренно, а не отчаянно.

Два большевика прошагали в комнату мамы и папы. Еще один вошел к Алексею. Джой, спаниель, встала на страже между ним и Алексеем. Ольга оторвалась от нашей троицы, чтобы составить брату компанию во время обыска.

Я ускорила шаг, чтобы догнать Заша. Подозревала, что он выбрал мою спальню, поскольку не доверял мне. С того момента, как нагрязнул в библиотеку, он знал: я что-то скрываю.

Я вошла следом за ним, отстав на несколько шагов. Матрешка, казалось, светилась на полке.

– Мои чемоданы там, – указала я направо и назад. – А эти – Татьяны и Ольги.

Заш стремительно окинул комнату взглядом. Я ждала, что он двинется к одному ряду чемоданов, или к другому... или к кукле.

– Вы можете идти.

Я не могла свыкнуться с мыслью, что меня отсылают из собственного жилья. Собиралась возразить, но тут же представила папин голос, призывающий меня проявлять доброту к большевикам. Демонстрировать им, кем мы были на самом деле, и выразить то, чем, как мы надеялись, станет Россия.

Смирение. Тьфу.

– Конечно, сударь. – Я склонила голову – и только голову, потому что гордость стальным прутом сковала позвоночник.

Я вышла, хотя, шествуя по коридору, чувствовала себя так, словно боролась с бурным течением, существовавшим лишь в моем воображении.

Я могла только молиться, чтобы Заш не нашел матрешку. У него не было причин подозревать о ее важности. Не было даже способа открыть ее, чтобы найти заклинание, которое, как утверждал папа, содержалось внутри.

Что Юровский приказал солдатам искать? Драгоценности? Скрытые заклинания? Дневники? Я направилась на кухню, чтобы узнать, не нужна ли повару Харитонову помощь в приготовлении еды на день. Мне следовало отвлечься, и я была благодарна, что он позволил нам, девочкам, помогать ему. Жар от кухонной печи согревал больше, чем очаги наверху.

Но кухня оказалась пуста. Не было еды, которую можно взять. На подоконнике стояла только корзинка с яйцами, которые, казалось, никогда не будут съедены, поскольку мы утром уедем. Кому они достанутся? Большевикам?

Наконец Харитонов вернулся, и мы принялись за работу. Ольга тоже присоединилась к нам, ее волосы вились непослушными локонами, выдавая раздражение. Татьяна, вероятно, оставалась наверху в качестве гаранта лояльности, требуемой Юровским. Она умела скрывать свои эмоции лучше, чем я или Ольга.

Мы боролись с тревогой, взбалтывая и разминая тесто.

– Тесто для выпечки хлеба видело многих беспокойных людей в непростые времена, – заметил Харитонов. – Оно очень восприимчиво к оскорблениям.

Я ударила кулаком по дрожжевой массе.

– Вот именно, Настя.

Комендант Юровский устроился на своем новом посту – за письменным столом в прихожей. Весь день он смотрел на карманные часы, словно отсчитывая минуты до того момента, когда сможет отправить нас в изгнание.

Мы собрались со слугами на прощальный ужин из борща и рябчика с рисом. Распили две бутылки вина, которые Харитонов прятал от большевиков и охранников.

Радость от того, что совсем скоро мы окажемся на пути к родителям, наполняла наши сердца эйфорией.

Через несколько часов солдаты наконец закончили обыск. Я пыталась не переходить на бег, когда шла обратно в спальню. В моем чемодане уже лежала большая часть необходимых вещей – сменная одежда, письменные принадлежности и три книги: Пушкин для разума, Библия для души и немецкая книга о мастерстве заклинаний для образования. Вероятно, они были изрядно перетасованы после осмотра Заша.

Войдя в комнату, я стремительно взглянула на полку слева. Покрытые пылью и сияющие чистотой предметы казались нетронутыми. Но между музыкальной шкатулкой и украшенной драгоценными камнями фигурой балерины образовалось пустое пространство, словно само по себе представлявшее артефакт.

Папина матрешка исчезла.

3

Он нашел ее. Заш нашел матрешку. Как?

Я заставила себя теревить пряжку чемодана, как будто все еще собирала вещи, на случай, если Юровский или Заш каким-то образом следят за моей реакцией. Но как им удалось? Откуда им было знать?

Юровский пробыл здесь всего один день. Если бы он узнал, что мы прячем старые чары, он сказал бы что-нибудь еще несколько недель назад, когда находился в этом доме. Мы оказали бы сопротивление и понесли наказание.

Наверное, это Заш. Каким-то образом он был в курсе, что я взяла игрушку из библиотеки. Или, может, заметил, что она появилась в моей комнате. Я не знала, что произошло, но это точно был он.

Я должна вернуть матрешку.

Вопрос в том, *как*. Наступила ночь, и блуждание по дому в темноте могло вызвать подозрения. Но я хорошо умела прятаться. Лучшее время для поисков – это утро, когда свет будет моим союзником. Хотя наш отъезд назначен на ранний час. Мне нужно выиграть время.

Задержаться.

Лучшая из усмешек появилась на моих губах – та, что предшествовала особенно удачной шутке. Все, что мне потребуется – корзина яиц.

Я поднялась до рассвета, оделась и отнесла вещи в прихожую. У Юровского не будет оснований обвинять меня в несоблюдении приказа.

Мое поведение было ангельским.

Несколько солдат, красноглазых и пошатывающихся от усталости, патрулировали коридоры. Они несли ночную вахту и казались гораздо менее отдохнувшими, чем обычно. Вероятно, потому что теперь, когда Юровский был здесь, они действительно стояли на страже всю ночь.

Комендант вышел в прихожую, когда я тяжело опустила чемодан у двери. Я вела себя так, словно его здесь не было, но чувствовала враждебный взгляд – он обжигал мою кожу. К счастью, этот человек не будет сопровождать нас в Екатеринбург.

Я старалась выглядеть занятой, и когда первый испуганный крик нарушил утреннюю тишину, ахнула, как и остальные. Должна признаться, что сама почти поверила в искренность своего удивления.

Юровский слегка наклонил голову – единственное проявление огорчения. Когда за вторым криком последовал третий, я придала лицу самое озабоченное выражение и зашагала на шум – в сторону солдатского коридора.

Комендант шел следом.

Демонстрируя тревогу, я порой переходила на бег. Ровный шаг Юровского по коридору не ускорялся и не замедлялся. Механический, как и его часы. Я была признательна за то, что он не выдавал свою тревогу. Благодаря этому я ворвалась в солдатскую комнату за несколько секунд до него и первой увидела произошедшее.

Несколько солдат сидели на своих койках с сапогами в руках. Нити яичного желтка тянулись от их липких носков внутрь обуви.

– Что здесь происходит? – потребовал объяснений Юровский, останавливаясь позади меня.

– Сырые яйца! – воскликнул один из красноармейцев. – В сапогах!

Солдаты, еще не успевшие сунуть ноги в обувь, перевернули их, и, конечно же, оттуда выкатились яйца. Некоторые тихонько посмеивались. Я ушла с пути Юровского, но не раньше, чем Заш встретился со мной вопросительным взглядом.

Он уже надел оба сапога, одетый по форме и готовый к выполнению долга. Никакого фиаско с яйцами. В его случае.

– О, и это все? – воскликнула я в адрес невезучих обитателей комнаты. – Я думала, кто-то ранен! – Развернулась на каблуках и ушла, оставив Юровского разбираться с происходящим.

– Ты, допроси повара и выясни, кто это сделал. – Комендант был поразительно сдержан, но меня это не удивило. Мне вовсе не хотелось оказаться на его пути, ведь самые тихие голоса порой произносят невероятно жестокие слова. Но шаги, раздававшиеся в коридоре за моей спиной, механическими не были. Стремительная поступь солдата, выполнявшего задание. И я точно знала, чья именно.

Заш подошел ко мне.

– Интересно, почему меня пощадили?

Я пожала плечами и пошла дальше.

– Почему бы и нет? Мне очень не хотелось бы, чтобы вы наследили в библиотеке. Или в моей спальне.

– Это было крайне по-детски.

Я распахнула глаза.

– Те, кто не умеет смеяться, не могут нормально жить.

– Сплошное расточительство. Эти яйца могли бы достаться людям.

С меня было довольно. Мы завернули за угол, и я повернулась к нему лицом, остановившись перед кухонной дверью.

– Почему я не получила никакого отчета о вещах, которые вы конфисковали, когда обыскивали мою комнату? Комендант Юровский мне ничего не сказал – вы ему докладывали?

Походка Заша сбилась, и он выпрямился, официально, по-большевистски, демонстрируя оскорбление. Сказанное подразумевало, что он оставил мои вещи – матрешку – себе.

– Я ничего не нашел, когда обыскивал ваши комнаты. Должен ли я проверить еще раз? – Он говорил так серьезно, так уверенно. Разве что немного озадаченно.

Этот крошечный проблеск замешательства заставил меня остановиться.

– Н-нет. Я... – Ой, что тут скажешь. – Наверное, я слишком рассеяна из-за нашего стремительного отъезда. Кажется, я... несколько не в себе. – Это прозвучало мило и по-девичьи. Возможно, на него подействует.

– Если позволите, у меня есть кое-какие дела.

Я смотрела ему вслед, ошеломленная неудачей. Моя уверенность пошатнулась под ударом нового неприятного открытия. Заш утверждал, что не брал никаких моих вещей. Лжец. Обычно мне удавалось обнаружить неискренность. Но не в этот раз. Может быть, куклу нашел кто-то другой?

Холодок нехорошего предчувствия скользнул вниз по моей шее. Я взглянула в коридор, ведущий к солдатским комнатам. Комендант Юровский стоял в противоположном его конце. Наблюдая.

Внезапно я почувствовала себя беззащитной. И разоблаченной. Мне это совсем не понравилось.

Я выдержала его взгляд – ради себя самой. Не из упрямства, скорее потому, что, если бы отвела глаза, игла страха пронзила бы мой разум, и в следующий раз, столкнувшись с Юровским, я могла не найти в себе мужества бросить ему вызов.

С каждым ударом сердца ко мне возвращалась уверенность. Я была великой княжной Анастасией. Я подложила яйца в сапоги его солдат, и никто не обнаружил ни меня, ни моей проделки, а теперь собираюсь тайком вывезти матрешку с заклинаниями из этого дома в Екатеринбург, прямо под бдительным оком Юровского или Заша.

Спасти свою семью.

Я присела в реверансе, затем зашагала по коридору. Безупречная осанка держалась благодаря корсету с драгоценными камнями. Улыбка вернулась ко мне, хотя дыхание по-прежнему оставалось учащенным. Завернув наконец за угол, я на цыпочках побежала в свою комнату.

В последний раз все обыскала. Матрешка определенно исчезла. Заш лгал – это было отлично сыграно. Но он солгал бы только в том случае, если бы захотел присвоить вещь себе. Я вернулась в прихожую, где слуги носились взад и вперед, собирая свои вещи и все остальное, что, по их мнению, могло нам понадобиться.

Доктор Боткин помог Алексею влезть в двубортный офицерский китель с золотыми пуговицами. Одежда висела на нем как одеяло. Брат, одетый в мундир цесаревича, стоял во весь рост с папахой на голове. Он еще не мог ходить, только стоять. Темные круги очерчивали его большие глаза и усиливали бледность лица, как иллюминаторы на белом корпусе корабля.

Алексей не сможет долго стоять, но по крайней мере покажет свою силу солдатам, прежде чем мы попрощаемся с ними. Папа гордился бы им.

Мой желудок сжался. До отъезда оставалось всего несколько минут, а я все еще не отыскала игрушку. *Нельзя* проиграть это состязание!

Я собрала охапку полотенец и зашагала к солдатским казармам. Прошла мимо Ольги, которая укладывала в саквояж швейный набор.

– Настя, что ты делаешь? Надень пальто!

– Через минуту! – Я вышла из прихожей и поспешила по коридору. Только два солдата оставались в своих комнатах, затягивая пояса и шевеля мокрыми от яиц ногами в липких сапогах.

– Вот полотенца, – прошептала я.

Один из них закатил глаза и пронесся мимо меня. Другой схватил полотенце и вытер ногу, прежде чем сунуть ее в сапог. Даже не поблагодарил.

Уходя, он выдал из себя одно-единственное слово.

– Швыбзик.

Это прозвучало вовсе не как милое прозвище, которым называли меня родные. Но все равно заставило меня улыбнуться. Они знали, что это была я. Так им и надо. Если они даже не заметили подброшенные яйца в собственной обуви, как надеются защищать русский народ?

Я бросила полотенца на пол, едва комната опустела, и поспешила к кровати Заша. Его вещи аккуратно лежали на койке – свернутая постель под опрятным, застегнутым на пряжки ранцем, рядом шинель.

Это был не просто организованный солдат. Скорее, солдат, готовый уйти. Он присоединится к нам в поезде. Тогда я смогу обыскать его вещи. Потребовалась невероятная сила воли, чтобы не разорвать его ранец, но лучшие чертенята терпеливы. Тем не менее я похлопала по нему, сдавливая все выпирающие участки, проверяя, не обнаружу ли твердых предметов. Ни одна из выпуклостей не казалась круглой. Но матрешка была настолько мала, что поместилась бы даже в носке.

Сжав ранец в очередной раз, я наткнулась на что-то твердое. Оглянулась на дверь. Все органы чувств работали на пределе. Рисковать потерей матрешки было нельзя.

Я расстегнула ремни, удерживающие набитый ранец. Затем положила одну руку на то место, где впервые ощутила твердый предмет, и запустила свободную ладонь в отверстие. Аккуратно продвинула пальцы сквозь сложенную ткань, мимо маленькой записной книжки. Игрушка действительно была завернута в запасные носки. Ловкими пальцами я сдвигала их

до тех пор, пока не ощутила гладкость дерева. Схватив игрушку, я очень осторожно вытащила ее, замирая и прислушиваясь к звукам со стороны двери.

По-прежнему тишина.

Наконец, с облегчением выдохнула и отдернула руку. Я сделала это. Нашла...

– Нет, – выдохнула я, переворачивая предмет в руке. Коричневая с серебром краска, толстый шар и остроконечная пробка.

Это была не кукла.

Это был пузырек... одеколона? Духов? Я вытащила пробку и понюхала. Запаха не было, но шар давил мне на руку своим плещущимся содержимым. Я окунула мизинец и прикоснулась к жидкости.

Когда я вытащила палец, у меня перехватило дыхание.

Чернила для заклинаний. Блестящие серебристо-радужные чернила для заклинаний.

Что делает бутылочка колдовских чернил в ранце у *большевистского солдата*? Магия вне закона! Если бы этот предмет обнаружился во время обыска, его передали бы Юровскому. Либо Заш нашел его и оставил себе, либо принес с собой.

Но большевики охотились на магов и убивали их. В этом не было никакого смысла.

Я жала предательскую бутылочку. Это не матрешка, но, по крайней мере, то, что мне пригодится. То, благодаря чему я смогу помочь Алексею. И все-таки я была чертенком. Не воровкой. Как бы сильно мне ни хотелось заполнить эти чернила, я не могла позволить себе опуститься до кражи.

Я – Романова. И я буду достойна этого имени до самой смерти.

Я вернула пробку и положила флакон обратно, убедившись, что он оказался примерно на том же месте. Застегнула клапаны и положила ранец на край кровати, где он и был.

Я вышла из комнаты, радуясь, что не положила яйцо в обувь Заша. Прошлой ночью было не слишком удобно искать его в казарме, всматриваясь в каждое лицо, чтобы убедиться, что сапоги принадлежат ему. Но если он решит, что я на его стороне – или даже просто кокетничаю, – то может проявить доброту к моей семье. А если нет... Теперь у меня появилась возможность шантажировать его.

Мои каблуки застучали по коридору. Я знала, кого нужно обыскать следующим. Если игрушки нет у Заша, значит, он сдал ее Юровскому.

В прихожей бушевало безумие. Люди тащили чемоданы, слуги просили солдат помочь, но те не поддавались. Юровский руководил хаосом, и только половина толпы подчинялась ему. Распахнутая входная дверь впускала холод внутрь. На улице шел дождь.

Юровский был в пальто, с наплечной сумкой и вооружен – этого хватит, чтобы проводить нас до вокзала, но недостаточно, чтобы проехать с нами через пол-России. Я нашла его комнату – отдельное тесное помещение. Его вещи лежали сложенными, но не упакованными.

Я подбежала к ним, стараясь унять сердцебиение. Он не придет сюда. По крайней мере не сейчас. Я рылась в его вещах, разворачивая каждую рубашку, выворачивая каждый носок, ломая ногти еще на одних карманных часах, разрезая большой палец тонкими страницами дневника.

Никакой матрешки.

Никакой матрешки.

Никакой матрешки.

Впервые я подумала о том, что могу потерпеть неудачу. Подвести папу, подвести свою семью. Отец сказал, что игрушка может стать нашим спасением.

Без нее мы, возможно, погибнем.

Я наспех уложила вещи Юровского, глаза застилала паника. Нет. Нет. Нет. Где же она? Кто ее взял?

Идей больше не осталось.

Я вернулась в главную комнату, придавленная тяжестью поражения. Не могла смотреть Юровскому в глаза. Заш погрузил наши вещи в экипаж, который должен отвезти нас на вокзал Тюмени. Мое сердце замирало каждый раз при воспоминании о том, что мы едем в Екатеринбург. Город между привычной и дикой Россией, который гнездится в Уральских горах и является домом для самых суровых русских.

И вряд ли сможет стать домом для нас.

Я надела длинное серое пальто, путешествовавшее вместе со мной из Петербурга в Тобольск, а теперь и в Екатеринбург. Стянула пояс до такой степени, что он сжал все мои чувства, затаившиеся внутри. Ольга порхала по комнате в поисках каких-либо неупакованных вещей, о которых мы могли забыть. Видела ли она все нити жизни, которые мы оставляли позади? Груды воспоминаний, к которым мы никогда не вернемся? Сияние надежды, от которого мы отказывались?

Ее пристальный взгляд остановился на мне, и глаза сестры потеряли тревожную деловитость, взор смягчился. Она подняла руку, и я вдруг почувствовала себя маленькой сестренкой. Той малышкой, что стояла в толпе, потерявшаяся. Неудачница. Я неуверенно подошла к ней и взяла за руку, желая сказать, что подвела папу, но пока не в силах признать этот факт.

– Узы наших сердец... – прошептала она.

– ...охватывают километры, память и время, – закончила я.

Мы прошли мимо Юровского к тарантасу – деревенскому безрессорному экипажу, который должен был отвезти нас на вокзал. Руки коменданта заняли угрожающее положение – одна на кобуре пистолета, другая на ремне маленькой сумки, в которой лежал приказ отправить нас в Екатеринбург. Он вытащил карманные часы, следя за секундами, дабы убедиться, что мы будем изгнаны вовремя.

Татьяна вошла в экипаж вместе с доктором Боткиным и Харитоновым – ее собственная охрана из большевиков заполняла свободное пространство в тарантасе. Мы надели меховые шапки-кубанки и пригнули головы под проливным дождем.

Я коснулась живота, стремясь притронуться к выступам драгоценных камней, чтобы подавить печаль. Напомнить себе, что я на каждом шагу бросаю вызов большевикам. Пальцы Ольги теребили висевший у нее на шее медальон с фотографией солдата, которого она вышла во время войны и в которого влюбилась.

Алексей уже сидел в экипаже, сжимая в руках коробку с игрушечными солдатиками, словно это была последняя верная ему армия.

Мы цеплялись за воспоминания – хорошие воспоминания. Маленькие утешения и победы.

Когда мы забрались в экипаж и устроились рядом, достаточно близко, чтобы образовать одеяло из греющих друг друга тел, с Алексеем, сидевшим напротив нас под одеялом настоящим, я позволила себе проследить взглядом за Юровским. Тот забирался на сиденье рядом с кучером, подняв воротник пальто, чтобы защититься от дождя.

В голове у меня гудело, пока я пыталась собрать головоломку.

Ольга сжимала ожерелье, чтобы убедиться в его сохранности. Алексей держал свою коробку с игрушечными солдатиками на коленях. Я прижала ладонь к корсету, чтобы проверить драгоценности. А Юровский... Юровский держал свою сумку так же, как и мы, – как если бы в ней было что-то ценное.

Например, волшебная матрешка.

Экипаж дернулся и тронулся с места. Моя печаль улетучилась. Юровский для равновесия положил руку на маленькую перекладину на краю сиденья, оставив сумку качаться свободно. Она болталась взад и вперед в темпе качающейся повозки, проезжавшей через Тобольск, и скользила по мокрому от дождя боку тарантаса. Он в любой момент мог положить ее на колени.

Я толкнула ржавый оконный замок костяшками пальцев. Щеколда высвободилась, и окно кареты со скрежетом опустилось.

– Настя! – Ольга потянулась ко мне, но я не обратила на нее внимания. Нерешительность мешала слишком многим чертеньям, лишая возможностей. Я не собиралась колебаться.

Ради папы.

Ради моей семьи.

И, честно говоря, для собственного удовольствия от победы над врагом.

Я потянулась за сумкой, но она была слишком далеко, поэтому пришлось высунуться из окна по пояс. Ветер едва не сорвал с меня шапку, и я швырнула ее обратно в карету. Дождь хлестал меня по лицу, его звонкие брызги заглушали даже топот лошадиных копыт по грязи. Ольга потянула меня за одежду, чтобы затащить обратно. Но тут я почувствовала ласковую руку Алексея на своем колене. Некоторые люди поддерживают своей физической силой. Другие – своими эмоциями. Рука Алексея относилась к последним, он удерживал меня сердцем, так как не мог помочь физически. Я практически видела, как он говорит: «Только представьте себе... Настя победила большевистского коменданта в его же игре».

Одной рукой я приподняла сумку Юровского, чтобы, когда залезу в нее второй рукой, она не давила ему на плечо. Я прижалась к карете так плотно, как только могла, лишь бы не попасть в его поле зрения. Мышцы живота горели и сжимались под жестким корсетом. Я использовала эту жесткость для поддержания равновесия.

Мне удалось распустить завязки. На очередном ухабе я сунула руку в сумку. Мои пальцы искали гладкий округлый кусок дерева. Они наткнулись на какие-то бумаги, потом на что-то острое, но я их не отдернула. Ольга щипала меня за ногу, слишком нервничая, чтобы окликнуть по имени. Хватка Алексея усилилась, показывая его страх.

Затем я почувствовала прикосновение теплого дерева к ладони.

Мои пальцы обхватили маленькую фигурку. Я хотела вытащить ее и нырнуть обратно в карету, но это была бы ложная победа. Слишком по-дилетантски сейчас будет забыть об осторожности. В каждой шутке, в каждом хитром движении есть две победы: ложная и истинная. Первая, а затем последняя. Победа в достижении желаемой цели, а затем истинная победа в том, чтобы выйти сухим из воды.

Нетерпение было мрачным жнецом всех истинных побед.

Поэтому я сделала паузу. Заставила свою усталую руку поднять сумку еще выше, чтобы снять с тела Юровского всю тяжесть. Затем я осторожно вытащила игрушку из сумки, запихнула ее двумя пальцами в рукав и снова затянула завязки.

К этому моменту я уже дрожала, заледенев не на шутку, Ольга всхлипывала, а рука Алексея цеплялась за мое колено. Я медленно опустила сумку, пока она снова не оперлась о дверцу экипажа. Затем нырнула внутрь, мои золотисто-каштановые волосы заполнили все пространство, как мокрое домашнее животное. Джой слезла с колен Алексея и слизнула дождевую воду с моей щеки.

Я задвинула окно, закрыла его на щеколду и проверила рукав. Матрешка выпирала из ткани.

Я сделала это.

Нашла и забрала сокровище у врага.

Я подняла глаза на Алексея. Он удивленно уставился на меня, но спрашивать не стал. Ольга молчала, прижимая к лицу платок. Мы не разговаривали, ничего не объясняли.

Алексей знал, что у моих проказ есть цель. Ольга просто перестала меня ругать.

Но на этот раз... на этот раз, думаю, она бы мной гордилась. И все же я не сказала им о матрешке. Если бы папа хотел, чтобы они знали, то рассказал бы им сам.

Тряская езда мучила Алексея больше, чем томительные часы, проведенные в постели. Большую часть пути мы с Ольгой пытались массировать ему ноги. Все трое вздохнули с облег-

чением, когда приехали на Тюменский вокзал. Я позволила им выйти из экипажа первыми, затем переложила матрешку из рукава в небольшое пространство в декольте. Нельзя сказать, что природа настолько одарила меня, чтобы декольте полностью скрывало предмет, но в пальто никто ничего не заметит. Если, конечно, не будет со мной обниматься. Но я не собиралась никого обнимать, тем более Юровского.

Он заставил нас погрузить свои вещи в специальный поезд № 8. Нас, девочек Романовых и Алексея, посадили в грязный вагон третьего класса вместе с группой большевиков. Ничего похожего на императорский поезд.

Наших слуг и друзей отправили в товарный вагон и усадили на грубые деревянные скамьи. Татьяна один раз выразила свое несогласие. Второго протеста большевики не допустили.

Я сидела у окна, и сердце мое стучало по дереву матрешки. Я ожидала, что рука Юровского вот-вот скользнет в сумку. Он заметит потерю. И остановит наш поезд.

– Поехали, – поторопила я дрожащий локомотив. – *Быстро, быстро.*

Паровоз издал предупреждающий свист.

Покачивание. Потряхивание.

Мы медленно двинулись прочь от станции. Я едва дышала. Юровский стоял на платформе, скрестив руки на груди, и наблюдал за нашим отъездом. Скоро он заметит легкость своей сумки. И поймет, что это я, когда увидит разгромленную комнату.

Поэтому, когда поезд набрал скорость и мое окно прошло мимо Юровского, его глаза встретились с моими...

И я подмигнула.

4

Я цеплялась за победу, одержанную при возвращении матрешки, чтобы не думать о будущем. Но в конце концов настоящее настигло меня. Я больше не могла отрицать неизбежное.

Ссылка.

Однажды я себе это позволю. Один день, чтобы оплакать несбывшуюся надежду на спокойную жизнь, или на прощение суда, или на будущее мага.

Я села у окна, подперла рукой подбородок и расстегнула пуговицы на груди. Смазанный пейзаж скользил за окном, заставляя дыхание замедляться. Это было слишком – смотреть, как деревья, пашни и деревни исчезают из поля зрения навсегда. Каждый ствол, каждый лист, каждое оконное стекло – на один вдох дальше от дома. На один вдох ближе к неизвестности.

Вместо этого я почувствовала, что мы сидим неподвижно, и мир закружился, оставив меня позади и бросив на произвол судьбы.

Прощай, великая княжна Анастасия.

Как только солнце село, я снова застегнула пуговицы на груди и задернула шторы. Фокус внимания переместился вперед. Я не буду оплакивать утраченные хорошие воспоминания – стану прикладывать их к своему сердцу, как припарку, каждый раз, когда оно заболит. Вот для чего нужны положительные моменты – чтобы помочь залечить раны будущего. До тех пор, пока мы о них помним.

Через несколько дней мы наконец подъехали к екатеринбургскому вокзалу. Мое душевное состояние теперь было подобно мокрой одежде на провисшей бельевой веревке. Поезд простоял на станции почти двадцать часов. Было морозно и промозгло, и снег покрывал землю. Я промерзла до мозга костей, пока наконец не наступило утро.

Охрана собрала нас, но добрых солдат из Тобольска из поезда не выпустили. Екатеринбургские большевики были одеты в кожаные куртки и вооружены. Я проверила обтянутые тканью пуговицы на пальто, чтобы убедиться, что каждая из них застегнута. Мокрый снег все еще продолжался.

Каждая из нас, девушек, несла свои тяжелые чемоданы по грязной дороге к открытым коляскам-дрожкам. В одной руке Татьяна держала чемодан, а в другой – черного французского бульдога Ортипо. Бедный щенок выглядел наполовину раздавленным, наполовину промокшим. Один из наших слуг – солдат Нагорный – бережно перенес Алексея.

Грязь пропитала мои валенки, несмотря на их кожаные подошвы, но я не жаловалась и не просила о помощи. Несколько человек собрались на станции, чтобы поглазеть на нас. Их холодное любопытство добавляло морозности воздуху, но ничто не могло рассеять наше нетерпение и волнение перед встречей с родителями. Я не могла сдержать улыбку, даже несмотря на отвратительную погоду.

Я поймала взгляд одного из глазающих – наглого революционера. Но чем дольше он смотрел, тем больше его напускное безразличие растворялось в чем-то другом. Жалость? Чувство вины? Его рука, казалось, была приподнята, как будто он хотел помахать нам или даже дотянуться. Но затем, словно пораженный сильным стыдом, он растворился в тени.

Большевики запихнули нас в дрожки. Большинство экипажей были открытыми, с одним длинным сиденьем для пассажиров, но Алексея, Ольгу, Татьяну и меня посадили в крытый. Заш забрался внутрь вместе с нами. Я не общалась с ним в поезде, так как он был в другом купе.

У него не было с собой ранца. Сохранились ли в нем чернила для заклинаний?

Прежде чем дверь закрылась, я увидела сквозь ливень только доктора Боткина и Харитонову, забирающихся в свои открытые дрожки. Нагорный сделал два шага из вагона, подняв руку в прощальном жесте, прежде чем большевик вытолкнул его из поля зрения.

- Пойдите, а как же другие наши слуги? Наши друзья? – спросила я.
 - Они не присоединятся к вам. – Заш не смотрел нам в глаза.
 - Что? – Алексей качнулся к окну. – Подождите! Можем мы попрощаться?
- Дрожки покатались вперед, и Заш захлопнул дверь.
- Мне очень жаль.

Словно для того чтобы поставить точку, он задернул шторы.

Пять пар легких дыханием выпустили пар, который смешался в крошечном пространстве. Я не могла заставить себя снова вдохнуть. Воздуха не было. Света не было. Я схватилась за ткань занавески, как за спасательный круг, потянула ее, чтобы впустить поток тусклого света, но Заш удержал мою руку.

Он осторожно, почти нежно отрывал от ткани мои пальцы.

- Это для вашей же безопасности.

- С каких пор большевики заботятся о нашей безопасности?

Он поправил занавеску.

– С тех пор как нам приказал комендант. Екатеринбург не рад вам. Будет лучше, если вас не увидят другие местные жители. Это может спровоцировать самосуд.

Я откинулась на старые подушки сиденья и закрыла глаза. В Тобольске люди приносили нам подарки, улыбки и надежду. Но Екатеринбург состоял сплошь из большевиков и революционеров.

Алексей вложил свою руку в мою. Мне хотелось прижать ее к сердцу, но он нуждался в уверенности так же, как и я.

- Сколько еще до нашего нового приюта? – *Сколько еще до папы? Марии? Мамы?*

- Полагаю, до Ипатьевского дома полчаса езды.

- Кто такой Ипатьев?

Заш пожал плечами.

– Человек, который владел этим домом, пока Совет Екатеринбурга не потребовал его для вас на время ссылки.

Как типично для большевиков захватить дом человека в своих целях.

Эти полчаса оказались самыми длинными в моей жизни. Без света и свежего воздуха я чувствовала себя погребенной. Дыхание Алексея участилось, как у птенца. Он плохо переносил это путешествие физически. Эмоционально, однако, сохранял солдатскую решимость. Мама была бы убита горем, увидев его в настолько ослабленном состоянии. Но скоро он будет в постели и в спокойном месте... на тот срок, на который большевики позволят нам остаться.

Пожить.

Я прижала руку к матрешке, все еще лежащей в корсете с драгоценными камнями. Мы выживем. У меня есть ключ.

Заш выглянул из-за занавесок и открыл одну из них. Лучи света, пробивавшиеся сквозь тучи, отражались от снега; на секунду меня ослепило, но я не отвернулась, наслаждаясь солнцем.

- Вот оно, – показал солдат пальцем.

Экипаж миновал частокол из напиленных бревен и телеграфных столбов высотой около трех с половиной метров. Ипатьевский дом, с белыми оштукатуренными стенами, резными дверями и оконными рамами, был выдержан в классическом русском стиле. Он оказался значительно меньше губернаторского дома в Тобольске. Липы затеняли часть дома и улицы, но вышагивающие вдоль стен караулы портили его естественную красоту.

Мы подкатили к подъезду дома 49 по Вознесенскому проспекту. Тяжелые деревянные ворота внутреннего двора захлопнулись позади. Мы оказались в крепости.

Никто не выбежал из дома, чтобы поприветствовать нас. Вместо этого Заш начал выводить нас по одному. Сначала пошла Ольга, потом Татьяна, только затем настала моя очередь.

Заш распахнул дверь и взял меня за руку, чтобы «повести» в дом, хочу я того или нет. Будь у меня силы, я бы сама потащила его за собой.

Мы прошли пост охраны, а затем вошли в дверь. Несмотря на холод снаружи, в доме было душно и темно. Сначала я не понимала причины, но, попытавшись выглянуть наружу, увидела, что все окна закрашены.

Солдат-большевик обыскал меня. Он был чрезвычайно тщателен, но избегал области груди, что я сочла уместным. Ах, сила быть женщиной.

Он выпрямился и посмотрел мне в глаза.

– Мы получили телеграмму, что вы украли магический предмет у коменданта Юровского в Тобольске.

Я упала духом, а мой усталый и холодный разум начал лихорадочно искать ответ.

– Украла? Магический предмет? Я не понимаю, о чем он говорит. Я нашла одну из игрушек моей бабушки в его вещах. Для меня это память... сентиментальное воспоминание.

– Что с ней произошло?

Я постаралась ответить эмоционально.

– Охранники забрали, когда я ехала в поезде.

– Кто из охранников?

– Откуда мне знать? Один из них был одет как большевик.

Его губы сжались.

– Ваши вещи будут тщательно обысканы.

У меня перехватило горло. Я покорно кивнула.

– Конечно. Исполняйте свой долг. – Они будут обыскивать солдатские ранцы? И у Заша?

Он подтолкнул меня вперед, и облегчение разлилось по моим ноющим костям. Юровский телеграфировал. Он знал. Но знал ли он, что заключено в матрешке? Даже я понятия не имела.

Мне не следовало ему подмигивать.

Спотыкаясь, я поднялась по узкой лестнице, пересекла лестничную площадку, где сильно пахло потом, и наконец вошла в гостиную, наполненную голосами. Сначала я увидела побеленные окна и поразились тому, как запотел от них дом. Затем пианино из красного дерева, письменный стол и пейзажи на оклеенных обоями стенах.

Наконец я увидела папу.

Он высвободился из рук Татьяны и выпрямился при виде меня. Я, спотыкаясь, подошла к нему и бросилась в сильные объятия. Он держал меня так крепко, так надежно, что казалось, я никогда больше не испытаю отчаяния одиночества.

– Мой маленький Швыбзик, – пробормотал он. Я покрывала поцелуями все его лицо – лоб, щеки, колючие усы. Мой милый, милый папа.

Другая пара рук обняла меня, и я прильнула к маме. Едва успела поцеловать ее в щеку, когда пронзительный визг пронесся по комнате, погружая в бурю восторга.

– Мария! – воскликнула я.

Она выглядела тоньше, чем три недели назад, но лицо ее сияло от радости. Она схватила меня за обе руки и затрясла их вверх-вниз.

– Они сообщили нам о вашем приезде всего пару часов назад! Ох, Настя, сколько же времени прошло...

За несколько секунд ее лицо из радостного превратилось в залитое слезами. Наверное, для нее это было кошмаром: оказаться запертой в этом доме с закрашенными стеклами и высокими потолками, не зная, что мы приедем. Почему большевики не сказали им раньше? Разве она не получила мое письмо?

Алексей вошел последним, самостоятельно, неуверенной походкой. Казалось, он вот-вот упадет. Папа пересек комнату и заключил сына в объятия. Он нежно прижал к себе Алексея.

Мама поспешила к ним, бормоча:

– О, мой милый мальчик...

Ни один из них не упомянул, насколько слабее он стал с тех пор, как они видели его в последний раз.

– Я хотел войти сам, – пробормотал Алексей.

– Конечно, – сказал папа.

И вот мы снова вместе. Семья, готовая встретить все, что бы большевики ни имели в виду под «изгнанием».

В комнату вошел светловолосый мужчина средних лет с крошечными усиками. Он слегка покачивался на ногах и носил на боку кавалерийскую саблю.

– Комендант Авдеев, – представился он, определенно будучи навеселе.

Итак, *это* была наша новая власть... и новая мишень для моих проделок.

Он показал нам покои. Смотреть было особенно не на что. Наша группа состояла только из моей семьи, доктора Боткина, горничной Анны, слуги Труппа и повара Харитоновы. Друзья, отправленные в изгнание вместе с нами. Трупп привел спаниеля Алексея и двух собак Татьяны. После его прихода дом был закрыт, но ничто не могло остановить радость воссоединения.

Наша маленькая компания людей и животных была ограничена пятью смежными комнатами с ванной на лестничной площадке и маленькой кухней в дальнем конце коридора. Лестница была перекрыта запертой дверью. Нас еще никогда не запирали в настолько небольших помещениях. Надеюсь, они не думают, что мы станем сидеть в этих комнатах целыми днями.

Авдеев оставил нас устраиваться, но вскоре мы услышали, что он отослал всех добрых, верных солдат, оставшихся в поезде. Обратно в Тобольск? В тюрьму? Мы этого не знали.

Большевики из Тобольска остались, присоединившись к тем, кто уже был в Ипатьевском доме. Они все, казалось, сердились на нас.

Комендант и его помощники имели доступ в наши комнаты в любое время. Войди в эту минуту Авдеев, он застал бы нас всех собравшимися в гостиной, стоящими на коленях под электрической итальянской стеклянной люстрой, с главой семьи, читавшим молитву. Из наших глаз текло больше слез, чем слов из наших уст. Папа всегда говорил, что слезы – это самые горячие молитвы, поэтому я позволила им струиться.

– Мы должны проявить доброту к солдатам, – умолял он нас. – Каждый день демонстрируйте им прощение. Мы – отражение образа *Иисуса*, сына Божьего, и Он был отвергнут собственным народом так же, как и мы. Любите. Прощайте. – Он поцеловал каждого из нас в лоб.

Я преисполнилась решимости выполнить его просьбу. Быть скромной. Быть всепрощающей.

Всегда держаться за надежду. Мы пожелали друг другу спокойной ночи.

Папа помог Алексею пройти в отведенную ему маленькую комнатку в задней части дома. Роскошно для столь тесного пространства. Но я подозревала, что Алексей не хотел спать один, как и я. Через открытую дверь он оглянулся на меня. Я заставила себя храбро улыбнуться.

– Я сам переоденусь, – объявил Алексей папе.

Тот кивнул и поставил его на ноги, чтобы сын мог облачиться в пижаму. Алексей был полон решимости доказать, что силен и выздоравливает. Но когда забирался в постель, его нога соскользнула, и он тяжело приземлился коленом на деревянный пол. Он задохнулся от боли. Я уже была рядом с ним.

– О, Алексей...

У него, конечно, появится синяк, и из-за гемофилии кровь задержится в суставах, вызывая приступы боли несколько недель. Нога распухнет и не позволит ему ходить.

Мы с папой положили его на кровать. Алексей поморщился, а через несколько секунд в комнату вошла мама, чтобы взбить ему подушку. Она чуть отстранила меня, и Алексей схватил ее за руку. Я оставила их одних, позволив заботиться о нем.

Нам с сестрами предстояло жить в одной комнате. Пространство заполняли немногочисленная мебель – простой стол, несколько стульев и зеркало на подставке. Мне больше всего понравились светлые обои с цветочным узором. Можно было представить, что мы в саду.

Большую часть линолеума покрывал восточный ковер, на котором Ольга, Татьяна и Мария сложили в кучу пальто и одеяла, так как наши походные кровати еще не прибыли из Тобольска. Я забралась в это импровизированное гнездо, сильно желая ощутить прикосновение их тел и чувство безопасности.

Всю ночь я слышала болезненные стоны Алексея.

Всю ночь мама не спала и держала его за руку.

Всю ночь я плакала.

Я знала, что Господь Бог слышит меня. И была уверена, что мои орошенные слезами молитвы наверняка будут услышаны Им.

5

24 мая

Мы все проснулись на рассвете – не потому, что отдохнули, и уж точно не от яркого солнца, поскольку оно не могло проникнуть сквозь побелку. Мы проснулись, потому что снова были вместе. Это лучше, чем любой день рождения или пасхальное утро. Мы также знали, что режим – самое действенное оружие против отчаяния.

Алексей остался в постели, колено его распухло и увеличилось практически вдвое. Доктор Боткин склонился над ним с маленькой сумочкой лекарств. Их будет недостаточно. Брату необходимы исцеляющие заклинания. Но радость Алексея от того, что он снова с мамой и папой, немного смягчила его страдания.

Сегодня утром я уже не испытывала отчаяния. Вместо этого мысли были неотступно связаны с синяком на моей груди. Отпечаток фигурки – восьми кусочков дерева, которую я хранила на себе с Тобольска.

Я поспешила в гостиную, где отец сидел в кресле возле большой пальмы в кадке и читал газету.

– *Доброе утро*, папа! – О, как приятно было сказать это снова.

Он шумно опустил газету.

– Доброе утро, Настя.

Я поцеловала его в щеку и набрала воздуха, чтобы заговорить, но папа начал разговор первым. Поспешно.

– Побудь сегодня с Марией. Она ужасно скучала по тебе.

Я закрыла рот, ощутив в его голосе предупреждение. И заметила, что двери на лестничную площадку – и в кабинет коменданта Авдеева – распахнуты настежь. Я поняла намек и подыграла отцу, чтобы возникшие в разговоре паузы не вызвали подозрений.

– Ну конечно! Я тоже скучала по ней.

Если я предпочту общество отца в первый же день, это вызовет подозрения. Папа находился здесь целый месяц, а значит, все это время изучал солдат и коменданта. Он даст мне знать, когда будет безопасно поговорить с ним наедине. И все же я успела привыкнуть к длинным коридорам и возможности уединиться, которой располагала в Тобольске.

Мне нужно забыть все, что знаю. Все, к чему привыкла.

Здесь все по-другому. В изгнании.

Но игрушка обожгла мне кожу. Я хотела выяснить, когда ее можно будет использовать. Что все это значит. Что в ней содержится. Мне нужны были ответы, знания. Но папа попросил потерпеть, не сказав ни слова. Так что я провела день с Марией.

Мы позавтракали в столовой, самой красивой комнате в нашем доме, с огромными дубовыми дверями и паркетным полом. Помещение было обставлено темной, тяжелой мебелью, обитой кожей. Мария от меня практически не отходила. Когда я застряла в Тобольске, рядом, по крайней мере, были брат и сестры. Бедной Марии в Екатеринбурге пришлось обходиться без друзей.

После обеда нам разрешили выйти на улицу, и мы практически выбежали из дома на свежий воздух. Если учесть, что наше детство и юность прошли больше на вольном просторе, чем в помещениях – мы катались на лодках, собирали урожай, кормили животных, возились в саду, – дом Ипатьева казался душным ящиком. И это только в первый день.

– Не знаю, как я перенесу пребывание в этом доме, – призналась я Марии.

Она обняла меня за плечи, и мы вышли в жалкий садик. Это была всего лишь площадка с клочком травы и несколькими деревьями. Самое большое – девяносто шагов по периметру. Я старалась быть благодарной и избегать сравнения с губернаторским домом в Тобольске, который, впрочем, выглядел бледновато на фоне Александровского дворца. С тех пор как я была там, прошло очень много времени, и эта последняя мысль почти не вызвала никаких эмоций. Словно все это относилось к другой жизни.

– Они покрасили окна всего неделю назад. – Мария задала быстрый темп. Неизвестно, как долго комендант позволит нам оставаться снаружи. Надо размяться, пока есть такая возможность.

– Но почему?

– Наше прибытие должно было остаться тайной, но когда мы приехали, на станции начались беспорядки. Нам пришлось объезжать недовольных, к дому добирались по длинной дороге. А всего пару недель назад о нашем присутствии написали в газете «*Уральский рабочий*». После этого окна покрасили, охрану усилили. Думаю, они боятся, что мы подадим сигнал о помощи.

Собаки бегали кругами – Татьяна сидела на траве и бросала мяч своим двум щенкам. Но милый спаниель Алексея играть не хотел. Джой сидела у двери, виляя хвостом в солнечных лучах и тоскуя по хозяину.

– Бедный Алексей, – пробормотала Мария, когда мы проходили мимо Джой. – Если бы только мы могли сделать его жизнь счастливой...

– Как будто охрана нам позволит. Эти люди кажутся крепче, чем водка, которую они пьют.

Три большевика стояли в саду и смотрели на нас. Один из них, казалось, пристально следил за мной и Марией. Я подавила желание проверить матрешку, убедиться, что она в безопасности.

– Не *все* из них, – в голосе Марии зазвучали солнечные искорки. – Они не настолько восприимчивы, как солдаты в Тобольске, но все же хорошие люди. Папа говорит: они просто пытаются служить своей стране. Проблема в том, что их страна заклемила нас как врагов. Это не наша вина. Это не вина большевистских солдат.

Я знала, о чем говорит папа. Но Мария звучала на удивление страстно. И когда ее глаза встретились с глазами охранника, который так пристально наблюдал за нами, я поняла, почему. Мария пробыла здесь целый месяц. А у этого солдата доброе лицо. Она нашла друга там, где смогла.

Заш вошел в сад в свежестырированной форме, весь напряженный. Он поймал мой взгляд, но потом заметил дружелюбного большевика. Его лицо расплылось в искренней улыбке, и он широко развел руки.

– Иван!

Они с Иваном пересекли сад и обменялись крепким рукопожатием. Как они познакомились? Был ли Заш родом из Екатеринбурга?

Мария мечтательно наблюдала за происходящим. Я толкнула ее локтем.

– Теперь, когда ты об этом сказала... некоторые из здешних охранников кажутся особенно приятными на вид.

Мария вздохнула.

– Его зовут Иван.

«Его зовут Заш», – мысленно откликнулась я.

Голос Марии звучал устало. Дружбу здесь, должно быть, построить нелегко. Нет ничего более утомительного, чем проявлять доброту и получать безразличие взамен. Я вскинула брови.

– Ты уже распаковала свое расшитое бисером платье? Ты в нем свалила бы всех большевиков наповал.

Она вздернула подбородок в притворном высокомерии.

– Моя потрясающая фигура была бы слишком приятной смертью для них.

Я рассмеялась. Она тоже. Никто из нас не заметил слез, пришедших вместе с весельем.

– Я сучала по тебе, – сказали мы одновременно.

Большевики следили за нами, как россомаха за полевкой. Не моргая и не смягчаясь. Так продолжалось несколько дней. Говорят, россомаху невозможно приручить. Я подозревала, что так же дело обстоит и с большевиками.²

– Скорее всего, это связано с изменением режима и увеличением числа охранников, – предположила Мария, когда я поделилась своими мыслями. – Теперь у них двенадцать врагов, которых надо охранять, а не только папа, мама и я.

Из-за бдительного надзора не находилось времени, чтобы поговорить с папой наедине. Поэтому я стойко держала матрешку под корсетом и занималась другими делами, например, мило улыбалась охране, как советовал нам отец. Или писала друзьям домой письма... которые, вероятно, никогда не будут отправлены. Или играла с Марией в карты и домино, каждый раз ловко обыгрывая ее.

Я читала Алексею сказки, имитируя голоса персонажей и строя рожи. Я притворялась, что не замечаю болезненных гримас, вызванных распухшим коленом. Мы играли с его игрушечными солдатиками, выставляя их как солдат Красной армии против либерально настроенной к нам Белой армии.

Я прочла колдовскую книгу на немецком языке от корки до корки, но нигде не нашла рецепта изготовления чернил. С каждым днем Алексей казался все слабее. Доктор Боткин сказал, что за последний месяц брат похудел больше чем на шесть килограммов. Наш нынешний рацион вряд ли поможет ему восстановить вес. Уже не в первый раз я украдкой поглядывала на матрешку. Ничего не менялось. Возможно, мне придется разбить ее, чтобы освободить заклинание.

Тем временем бутылочка с чернилами для заклинаний, нетронутая, лежала в ранце у Заша. Я начала жалеть, что не украла ее. Большевики похитили наши жизни. Это был бы честный обмен.

И все же у Заша была на то причина, и мне хотелось ее узнать. Может быть, он поделится с кем-нибудь. Я не слишком горда, могу и спросить. Смотреть на то, как Алексей борется с болью, лишенный солнечного света, было поистине невыносимо.

– Ты не видела, чтобы здесь использовали или прятали заклинания? – беззаботно поинтересовалась я у Марии, когда мы закончили карточную игру.

– Не увлекайся колдовством, Настя. Только не здесь.

Я перетасовала карты.

– Это для Алексея. Для его колена. – *И для моего успокоения.*

– Я ничего не видела. Но если здесь и есть какие-то заклинания, то они, скорее всего, в кабинете Авдеева. Иногда в городе происходят облавы, и вещи свозят сюда.

Ближе к вечеру я присоединилась к доктору, который обрабатывал колено Алексея.

– Доктор Боткин, вы ведь использовали заклинания для исцеления, правда?

Он осторожно надавил на опухшие суставы брата. Тот зашипел.

– Только те, которые покупал. Никогда их не делал.

– Вы не интересовались, как маги получают волшебные чернила? Как их делают?

– Конечно, интересовался. Но сейчас не следует задавать такие вопросы. Эпоха магов завершилась.

² Россомаха – хищное млекопитающее семейства куньих, скрытное и очень мощное животное (*прим. пер.*).

Какой скучный ответ. Жизнь любопытного чертенка была куда более захватывающей.

– А что сейчас происходит с колдунами? Они... оставляют свое занятие?

– Большевики охотятся за ними. Заставляют их либо служить Ленину, либо умереть.

– Что Ленин намерен делать с ними?

– Обещает сделать заклинания доступными для каждого. Когда-нибудь...

Я склонила голову набок.

– Звучит не так уж ужасно.

– Это звучит как хорошее решение, да? Простота. Равноправие. Но если заклинания становятся свободными и распределяются поровну, кто платит магам? Как они живут? Как питаются?

Этот вопрос был вызовом. Доктор Боткин, прирожденный учитель.

– А они могут... использовать заклинания, чтобы обеспечить свои потребности?

– Колдовство не дает материальных ресурсов. Владельцы заклинаний не могут их сбыть, потому что советское правительство – единственный законный продавец.

Я начала понимать, к чему он клонит.

– Значит, правительство обеспечит мастеров заклинаний едой. Зато... если маги перестанут работать, новая система выйдет из строя. В конце концов, остается еще одна группа людей – советские вожди, которые решают, кому что достанется. Те, кто не хочет работать, пользуются преимуществами этой системы, а те, кто работает усерднее, не получают никакой выгоды за это.

Мне было всего шестнадцать, но я видела трещины в предлагаемой системе, которую, как утверждали люди, они хотели.

– Маги должны увидеть этот изъян.

– Так и есть. И именно поэтому большевики охотятся на них.

– А затем убивают их, – проворчала я. Как они поступили с Распутиным.

– Возможно, колдуны взбунтуются. Может быть, они присоединятся к Белой армии и придут нас спасти.

И, может быть, я присоединюсь к ним.

– Давайте не будем обсуждать такие опасные темы, пока царевич еще недостаточно здоров.

– Этот *царевич* тоже участвует в разговоре. – Алексей сложил руки на груди. – То, что я прикован к постели, вовсе не означает, что у меня отказали мозги. Мне нравится идея Насти.

Доктор Боткин тяжело вздохнул, но морщинки в уголках глаз выдали его.

– Не переутомляйтесь, царевич. – Он натянул простыню на ноги Алексея. – Вы должны дать отдых колену, даже если почувствуете себя лучше.

– Я отдыхаю больше времени, чем покойник в своем гробу. Я буду осторожен, доктор, но намереваюсь делать все, что захочу.

– Как обычно, – проворчал доктор Боткин, выходя из комнаты и оставляя нас с Алексеем наедине с нашими мыслями.

– Я хотел бы, чтобы какое-нибудь заклинание могло привести к нам Белую армию. – Алексей поиграл с одним из своих маленьких оловянных солдатиков.

Белая армия состояла из либерально настроенных солдат – тех, кто хотел вернуть папу на русский трон. Тех, кто знал, что Распутин не «промывал мозги» маме. Тех, кто понимал, что мы любим свой народ. Они хотели спасти магов.

Я не знала, насколько велика была Белая армия, но ее существование позволяло нам надеяться. Белые достаточно сильны, чтобы вынудить большевиков спрятать нас. Я провела пальцами по выступу на корсете.

– Возможно, существует такое заклинание.

– Может быть, я и не присутствовал при всех ваших с Распутиным разговорах, но даже я знаю, что такие чары тебе не по силам.

Я фыркнула.

– Какой же ты сегодня сомневающийся. Неужели мои подвиги ничему тебя не научили?

– Я узнал, что ты очень хорошо умеешь прятать яйца в солдатских сапогах.

Я подбросила одного из его игрушечных солдатиков в воздух, а затем поймала правой рукой.

– Белая армия найдет нас, Алексей. Как-нибудь... я им помогу.

И я как-нибудь помогу тебе.

Я пересекла комнату и встала у покрашенного окна, сделав вид, что смотрю на небо и оцениваю погоду. Поскребла стекло ногтем, но побелка была снаружи. Я перевела взгляд на форточку в верхней части окна – крошечное вентиляционное окошко, используемое в основном зимой. Оглянулась на Алексея, потом на дверь. Никаких солдат в поле зрения. Как можно небрежнее я протянула руку и отодвинула щеколду на форточке.

– Настя...

– Тише. – Я толкнула форточку, и она открылась. Краска снаружи затрещала и осыпалась с краев.

– Тебе нужен свежий воздух.

Едва ощутимое дуновение ветерка коснулось моего лица, и сердце затрепетало подобно крылатой птахе. Я глубоко вдохнула и приоткрыла форточку еще немного, чтобы увидеть, что находится внизу. Мои глаза жадно поглощали открывшуюся картину, а легкие – сладкий запах весны. Вдалеке золотился горизонт, сверкающий под лучами солнца подобно драгоценному камню. Но это великолепие было прервано звуками выстрелов, прилетевшими из центра города. Залп по команде. Расстрел.

Я могла видеть через забор. Передо мной простирался Вознесенский проспект – широкий, мощный бульваром. Никто не прогуливался по нему, но я представляла себе жизнь, свободу и суматоху на этой холодной, заполненной людьми улице.

Воображала, как Белая армия марширует вверх по холму, перебирается через частокот и стремительно распахивает дверь. Уводит нас в безопасное место. К новой жизни.

Я позволила себе лишь несколько секунд, а затем отошла от окна. Лучше не задерживаться. Мне повезло оказаться в том волшебном мгновении, где открывать форточку еще не запретили. Так что я могла сказать, что не знала о запрете. Но как только он *будет* озвучен, вряд ли удастся приоткрыть окно снова, не получив наказания.

Или выстрела.

6

31 мая

– *Смерть тирану!*

– Повесить их!

– Утопить в озере!

Сквозь выбеленные окна ничего не было видно, но крики растворяли мою решимость как горячий чай – сахар. Наши вещи прибыли из Тобольска вчерашним поездом. Нам не разрешалось видеть их до тех пор, пока они не будут тщательно обысканы, расхищены по мелочи, распроданы по дешевке, снова обшарены, отправлены на хранение в сарай и снова обысканы.

– Бедняги, – Татьяна стояла у окна, прислушиваясь к крикам, – они должны получить все что пожелают из наших ценностей.

– Все что они пожелают? – Мама опустила одну из рук, прикрывавших уши. – В этих сундуках – ваши походные кровати и постельное белье. А как насчет посуды из Александровского дворца или соли для ванн твоего папы?

– Ты правда думаешь, что комендант позволит нам использовать эти вещи? – спросила Ольга. – Он уже перенес пианино в свой кабинет. Забрал наш граммофон. Он не даст тебе сохранить английский одеколон, мама.

– У него нет права брать чужое!

– Все, что у нас есть, принадлежит ему, – пробормотала я.

Татьяна разгладила складки на своем простом поношенном платье.

– Людям все это пригодится.

– И что они будут делать с этими вещами? – раздраженно спросила мама. – Заложат! Они не собираются ничего использовать. Кроме того, они избрали советское правительство, которое должно принимать решения *за* них. Они продали свою свободу.

Папа вошел в гостиную из спальни, в которой они жили с мамой. Весь его вид воплощал в себе дух смирения.

– Народ не выбирал советское правительство. Вы слышали много выстрелов за это время. Каждый из них означает смерть русского человека, который отказался подчиниться большевикам.

Я слышала выстрелы. Неужели люди за окном хотели именно этого и для нас?

– Они нищие, – сказал папа. – Хотя мы больше не их правители, не царская семья, их нужды всегда останутся нашей заботой.

Он взял свою ежедневную Екатеринбургскую газету и отошел к своему креслу – месту у самого большого окна. Мы так и называли его – «папино кресло».

Ничуть не смутившись, мама спросила:

– А как же моя аптечка? Если Алексею станет хуже, нам понадобится морфий.

Ее пальцы коснулись висков. Алексей был не единственным, кому нужен – и кто использует – морфий. Мамины мигрени и слабое сердце были столь же болезненны, как и его гемофилия.

– Пусть мы и в ссылке, но все же можем обратиться с просьбой. – Папа развернул газету и погрузился в чтение с тем же спокойствием, с каким и говорил.

Мне хотелось бы быть столь же невозмутимой. Казалось, он не испытывал никакой враждебности. Я старалась быть похожей на него, но иногда чудилось, что в глубине моего сердца притаился маленький комочек ненависти, готовый вырваться наружу и поглотить разум.

Мама вернулась в комнату Алексея. Татьяна и Мария снова занялись щенками, а Ольга – шитьем, единственным развлечением, которое у нее было в нашей тюрьме.

Мы с папой остались наедине.

Пока большевистские солдаты разбирались с разгневанными людьми и рылись в наших вещах, мне, наконец, выдалась возможность. Время... пришло?

Я смотрела, как папа читает газету. Неужели и в его груди царило такое же смятение? Он был слишком спокоен, чтобы это стало заметно. Я – слишком упряма.

Вид его фигуры успокоил пылавший в моем сердце огонь – его усы изогнулись под углом, пока он рассматривал содержимое газеты, ноги были скрещены так, как и всегда, когда я находила его читающим в библиотеке. Мы снова вместе.

Наконец он поднял глаза, и его усы зашевелились над едва заметной улыбкой. Глаза сощурились, а мое сердце растаяло, и тепло от него разлилось по всему телу до самых домашних туфель. Папа сложил газету и похлопал себя по колену.

Мне шестнадцать. Изгнанная княжна. Больше не ребенок. Тем не менее, я прошла через комнату и села к нему на колени, обвив руками его шею. Ни возраст, ни гордость, ни пережитый опыт не могли помешать мне любить папу сердцем маленькой девочки. Я поцеловала его в щеку, и так мы замерли на несколько секунд, наслаждаясь обществом друг друга. Я в сотый раз удивлялась, как наша любимая страна могла не заметить его милосердия и потребовать отречения... и даже его смерти.

– Как поживает мой маленький Швыбзик? – спросил папа.

Со времени моего приезда мы почти и не говорили.

Это время принадлежало нам.

– Раскладываю яйца по сапогам тобольских солдат.

Папа провел рукой по лицу, но я все равно уловила проблеск веселья.

– Что же мне с тобой делать?

– Ты позволишь мне остаться у тебя на коленях, и мы будем весь день обсуждать прозу Пушкина.

Мой голос оставался шутивным, но легкое напряжение в его позе подсказало мне, что он понял подтекст.

Меня распирало от гордости. Теперь он знал, что я преуспела в доверенной мне миссии. Мне захотелось рассказать ему всю историю – при чем здесь яйца в солдатских сапогах и как я высунулась из коляски и напугала Ольгу так сильно, что она расплакалась. Мне хотелось рассказать ему, как я подмигнула Юровскому, когда отъезжала от вокзала с матрешкой в корсете.

Но даже если не вдаваться в подробности, он хотел узнать об успехе.

– Ты привезла с собой какие-нибудь повести Пушкина?

– Большинство из них упаковано в наши тобольские сундуки, которые сейчас осматривают солдаты, – я сняла пушинку с его льняной рубашки, – но я привезла одну с собой в поезде, чтобы не умереть со скуки.

– Моя ты девочка!

Я вырвала газету из его рук, развернула ее и закрыла наши лица от взглядов из коридора.

– Что теперь, папа? – прошептала я по-немецки. Из всего спектра доступных языков – русского, английского, немецкого и французского – я сделала вывод, что немецкий большевики поймут меньше всего, если войдут.

Папа выглянул из-за газеты. Я уже знала, что охранников поблизости нет, а собаки тявкают, так что мы в безопасности. На данный момент.

– Ты должна держать ее при себе, Настя. Ее подарил нам с мамой величайший маг Василий Дочкин, когда мы только поженились. Раньше здесь было семь слоев. Каждый слой содержал... – он понизил голос еще, – заклинание.

– Но как ты их открывал? И сколько слоев осталось? И что в них есть? – *И почему папа сказал, что это спасение нашей семьи?*

– Каждый слой открывается, когда заклинание готово. Осталось три слоя...

– Гражданин Николай! – крикнул с порога комендант Авдеев.

Меня пробрала дрожь от неожиданности, но хорошо натренированные мышцы удержали тело на месте. Моя тяжесть на его коленях не позволила *ему* слишком сильно вздрогнуть. Хорошо, что я держала газету, а то отец скомкал бы ее.

Я небрежно опустила лист, стараясь не показать своего отвращения к обращению, которое использовал Авдеев для папы.

– Добрый день, комендант, – откликнулась я по-русски.

– Ваши сундуки из Тобольска скоро привезут. Я ожидаю их доставки до вечера.

Я спрыгнула с папиных коленей, негодование жгло мне язык, но отец встал и слегка поклонился.

– Хорошо, комендант.

Нет. *Нет!* Мне хотелось оттолкнуть от себя папино смирение, снова выпрямить его и напомнить, что правитель – именно он, а не подвыпивший Авдеев. Но именно благодаря скромности он стал таким хорошим лидером для нашей семьи. Мудрый, скромный папа.

Пример для меня.

Я по-прежнему не кланялась. Не могла себя заставить. Еще нет.

Авдеев держал в руках бутылку спиртного, возможно, из нашего сундука. Он отступил в сторону, чтобы дать возможность Зашу и Ивану втащить в комнату сундук с папиными дневниками, затем взял бутылку с собой в кабинет и закрыл дверь.

Заш осторожно опустил сундук. Его пристальный взгляд обжег мою кожу, когда он вернулся к лестнице за другим сундуком. Видимо, ему было трудно сгрузить наши пожитки в доме для ссыльных, ведь это казалось излишеством для простого солдата вроде него.

Но он не понимал ни моей жизни, ни моих потребностей, ни моего воспитания.

А я не понимала его.

Но намеревалась понять.

– Папа, как ты можешь кланяться Авдееву? Ты выше этого человека во многих отношениях. Честь, доброта, родословная...

– Да, но не рост. Я, знаешь ли, гораздо ниже его.

Папа поцеловал меня в лоб и пошел открывать чемодан.

– Я напоминаю себе, что он выполняет свой долг. Он демонстрирует верность стране и людям, которых я люблю. И это то, чему я могу поклониться.

Заш и Иван вернулись с другим сундуком. В тот момент, когда они в третий раз скрылись на лестнице, я опустилась на колени рядом с папой над его сундуком.

– Папа, – прошептала я, – когда матрешка откроется для меня? Когда я смогу ею воспользоваться?

Он просмотрел корешки журналов, но не убрал их.

– Используй ее в самый последний момент.

– Когда?.. – Я прикусила язык, когда вернулся Заш со следующим сундуком. Мама вошла в гостиную и указала солдатам дорогу в маленькую кухню. Остаток дня мы потратили на то, чтобы разобрать свои вещи – по крайней мере то, что от них осталось. Большевики доставили едва ли половину того, что было упаковано.

Остальное они оставили себе.

1 июня

На следующий день папа впервые вынес Алексея в сад. Мы с Марией танцевали вокруг него, разбрасывая маленькие пригоршни желтых цветов акации, будто бы принося сад к нему на колени. Джой кувыркалась среди сирени, и легкая пыльца из цветков витала в воздухе. Алексей чихнул. Поморщился. Потом рассмеялся.

Я скучала по его смеху.

Мама сидела в инвалидном кресле, широкополая шляпа защищала ее от солнечных лучей. Быть бледной модно, но мы с сестрами запрокинули лица к небу и радовались загару. Он раскрасил нашу кожу веснушками свободы. Мама продержалась всего десять минут, прежде чем ей пришлось удалиться на отдых из-за головной боли. Ольга отправилась читать ей.

Лучше она, чем я. Если бы у меня было заклинание, исцеляющее мамины мигрени, я бы немедленно им воспользовалась. Но поскольку ничего нельзя было поделать, предпочитала оставаться снаружи, пока кто-нибудь другой ухаживает за мамой. Если я задержусь в этом доме хотя бы на секунду дольше, чем необходимо, то задохнусь.

Заш был одним из трех солдат, охранявших сад. Почему я всегда обращала на него внимание? Он что-то шептал уголком рта охраннику Ивану, на которого Мария положила глаз. С тех пор как нашел своего друга, он, казалось, смотрел на нас с меньшим отвращением.

Я позволила себе пройти мимо них, чтобы уловить часть их разговора.

– ... удивляюсь таким условиям жизни, – пробормотал Заш.

Иван кивнул:

– Подожди, пока не пробудешь здесь месяц. На это страшно смотреть.

Я обошла сад, не уверенная, о чем именно они говорят – о *наших* жилищных условиях или о солдатских казармах. Может быть, и о том, и о другом.

Мария погналась за Джой и в конце концов поймала ее прямо у ног Ивана. Она медленно поднялась, когда Алексей подозвал к себе спаниеля, оставив Марию с ее солдатом смотреть друг на друга.

Иван оживился. А вот Заш напрягся. Я продолжала идти, раздумывая над собственными наблюдениями. Мне нравилось, что она нашла кого-то еще, кто мог бы принести ей радость, но в глубине души меня кольнуло предчувствие.

Комендант Авдеев вошел в сад, слегка покачиваясь, и прислонился к внешней стене, наблюдая за нами налитыми кровью глазами, но не приказал войти. И не велел Марии с Иваном прекратить разговоры.

Разговор с Авдеевым завел папа.

Пришло время сделать то же самое с большевистскими солдатами. С Зашем. Когда я была уже на полпути через сад, Мария заметила меня и протянула руку.

– Настя, иди сюда!

Я усмехнулась и подскочила к ней.

– Это Иван. – Она положила нежную ладошку на рукав его советской формы.

Он поклонился.

– Рад официально познакомиться с вами. – Его глаза сверкали в унисон с яркой улыбкой.

Это был большевик, с которым я могла бы подружиться. Ясно, почему Мария тянется к нему.

– Взаимно, – затем, чтобы вовлечь в разговор Заша, до того как он сбежит, я указала на него рукой. – Это Заш. Он был с нами в Тобольске.

– А, так вы знакомы с этим шельмецом? – тихонько рассмеялся Иван.

– Не больше, чем это необходимо, – быстро добавил Заш, словно не желая, чтобы Иван думал о нас как о чем-то большем, нежели о тюремщике и пленниках.

Иван искоса взглянул на друга. На несколько мгновений он отвел взгляд, чтобы не комментировать резкие слова, но затем, казалось, передумал.

– Откуда вы двое знаете друг друга? – Я указала на мужчин.

Но Иван укротил свою шутиливую манеру, уважая очевидное стремление друга держаться холодно.

Скрип дерева разорвал воздух. Ворота палисада открылись, и в них въехал «Руссо-Балт», сверкающий черным под открытой матерчатой крышей. Комендант Авдеев побледнел и оттолкнул от себя папу.³

Из машины вылез человек в советской форме. На вид ему не было и тридцати. Он прищурился, глядя на дом. Солнце осветило его молодое дружелюбное лицо. Затем он заметил нас, и все дружелюбие, которое я уловила на его круглощекой физиономии, растаяло в холодном безразличии, которое смотрелось гораздо более естественным.

Авдеев пожал ему руку, потом, понизив голос, указал на каждого из нас по очереди. Он никого не представил, но оперся о стену, словно ища поддержки. Даже в состоянии легкого опьянения он, казалось, знал, что нужно притворяться мужественным. Этот круглолицый человек был очень важен.

Незнакомец оглядел нашу семью, скользнув взглядом по каждому из нас, словно рассматривал цифры, а не людей.

– Как долго они сегодня были на улице?

Авдеев что-то пробормотал в ответ, потом махнул рукой в сторону дома. Новенький кивнул, и они вошли внутрь. Через несколько секунд после того, как они исчезли, Иван тихо и ласково заговорил с Марией.

Заш увеличил расстояние между нами еще на несколько метров. Но я преодолела его.

– Вы знаете, кто это?

Он решительно смотрел вперед, высоко подняв подбородок и выпрямив спину. Я немного приблизилась к нему и мягко окликнула.

– Заш?

Его взгляд метнулся ко мне.

– Он что, новый... охранник? – Мне не нравилось изображать из себя дурочку, но я делаю все, что понадобится, чтобы получить ответы.

Заш вытащил из-за пояса пистолет и поставил его между нами как баррикаду. Будто я представляла угрозу.

– Возвращайтесь к своим занятиям в саду, гражданка.

Я отшатнулась, инстинктивно подняв руки.

– Я... я прошу прощения.

Он выглядел грозным, свирепым, как и остальные надзиратели, не дававшие нам ни минуты покоя.

– Эй, Заш! – прошипел Иван, отесняя Марию в более безопасное место, подальше от оружия.

Кто-то подошел сзади и взял меня за руку, заставив резко обернуться. Это был папа – он повел меня тени берез у частокола.

– Новоприбывший – это Александр Белобородов, председатель Уральского областного совета. Скорее всего, он здесь для внезапной проверки. Он уже появлялся через несколько дней после того, как сюда приехали мы с твоей мамой и Марией.

Значит, Белобородов был важным человеком. В одном помещении с ним мы подвергали опасности любого большевика, который отважился бы говорить по-дружески. Скорее всего,

³ Автомобили марки «Русско-Балтийский», или «Руссо-Балт», выпускались на Русско-Балтийском вагонном заводе (РБВЗ). До 1918 года было выпущено чуть больше 600 автомобилей. – *Прим. пер.*

Заш пытался защитить себя. Я перевела взгляд на Марию и Ивана. Она опустила на колени и срезала полевые цветы в крошечном уголке сада, а Иван зачарованно наблюдал за ней.

Белобородов пробыл недолго, но как только он отъехал, Авдеев приказал нам вернуться в дом. В тот день мы больше не выходили в сад. Я подозревала, что его налитые кровью глаза были не слишком благосклонно приняты начальством. Алкоголь солдатам не запрещался, но и не поощрялся в больших количествах. Особенно когда они охраняли императорскую семью, которую одна армия хотела спасти, а другая – убить.

Утро встретило нас приказом явиться к Авдееву.

Мы встали, переоделись в домашнюю одежду и собрались в гостиной. Я и сестры плюхнулись на диван, а мама, папа и Алексей заняли свободные стулья.

Авдеев стоял в дверях с двумя солдатами по бокам. Он сцепил руки за спиной.

– Отныне подъем в восемь. Вы должны умыться и одеться к завтраку в девять, к этому времени я намерен подходить с проверкой. Вашу одежду больше не будут отправлять в стирку – вам позволено заниматься стиркой самостоятельно. Обед в час дня, а ужин – в восемь.

– А как насчет свежего воздуха и физических упражнений? – спросил папа со спокойной вежливостью.

– Получасовой отдых в саду будет разрешен дважды в день – один раз поздним утром и один раз после обеда.

– Только час? – ошеломленно спросил папа. – Могу я узнать причину столь внезапной перемены в расписании дня?

– Ваша жизнь в Ипатьевском доме должна быть более похожей на тюремный режим. – Авдеев подчеркнул это жестким взглядом. – Вам больше не позволено жить по-царски.

Следующим утром я встала около восьми и заглянула в свое тайное форточное окошко. Втянула в себя мятежный глоток свободного воздуха, а затем выпустила его в сторону кабинета Авдеева, словно насмехаясь над ним.

В главной комнате я потянула за короткий шнурок возле двери на лестничную площадку, и по другую сторону стены зазвонил колокольчик. Солдат открыл дверь и проводил меня в ванную.

– Доброго утра, – поздоровалась я, стараясь выглядеть дружелюбной. Он не ответил. Я не стала повторять попытку.

Умылась и проигнорировала грубые политические комментарии, нацарапанные на стене более недоброжелательными солдатами. Час спустя мы с семьей сидели за обеденным столом и завтракали чаем с черным хлебом.

«*Больше не позволено жить по-царски*», – отчеканил Авдеев. Как будто кофе и яйца – показатели царской жизни! Белобородов, должно быть, остался недоволен осмотром.

Папа помолился перед трапезой, и мы взяли себе хлеба. По крайней мере, чай был горячим. Холодный чай даже в жаркий день всегда приводил меня в уныние.

По нелепому контрасту, хлеб и чай нам подавались на прекрасном фарфоре, внося подобие старой жизни в эту новую, грязную. Похоже на один из домашних спектаклей, который я ставила для семьи. Воображаемая принцесса ест на воображаемом фарфоре... в затхлой тюремной камере, лишенной солнечного света.

Мысленный образ заставил меня хихикнуть. Сценарий не казался забавным, слишком уж был близок к истине. Но я уже знала, что, когда мне хочется отчаяться, сил придает современное веселье. Впрочем, если я не проявлю осторожность, могу и расплакаться.

Сегодня утром я была осторожна и радовалась улыбке, которая переходила от меня к Алексею, Марии, Татьяне, папе. Она миновала только маму и Ольгу.

Стук сапог Авдеева перекликался со звоном маленьких ложечек по фарфоровым чашкам, помешивающих чай, хотя в нем не было ни сахара, ни лимона. Комендант остановился в дверях и некоторое время наблюдал за нами. Я перестала посмеиваться, но папа с улыбкой повернулся к Авдееву. Мы все последовали его примеру. Мы докажем, что новый режим не может ослабить узы нашей семьи.

Авдеев держал под мышкой сложенную газету. Его светлые волосы были растрепаны, как будто он плохо спал, а потом прошел мимо зеркала. Глаза снова красные. Авдеев был на пути к тому, чтобы отравить себя до смерти.

– А, спасибо, комендант, – встал папа из-за стола, чтобы взять газету.

Авдеев покачал головой, отчего на мгновение пошатнулся, но тут же ухватился за косяк.

– Нет, гражданин Николай. Вы больше не будете получать газет.

Налитый кровью взгляд Авдеева скользнул в мою сторону. Каким-то образом я поняла, что это связано с тем фактом, как два дня назад мы с папой вели тайный разговор за ней. Авдеев, должно быть, прочитал чувство вины на моем лице, потому что выпрямился. Его послание дошло.

– Тем не менее я позволю вам услышать сегодняшнее сообщение местных властей. – Он раскрыл газету. – Все арестованные будут взяты в заложники. – Авдеев поднял голову. Под арестованными имелись в виду Романовы. – Малейшая попытка контрреволюционной акции в городе приведет к немедленному расстрелу заложников. – Он сложил газету. Затем вошел в свой кабинет и включил граммофон, который раньше принадлежал нам.

Ни единого вздоха. Ни слова. Ни звона столового серебра о фарфор. Только трескучая пластинка предательски вращалась, воспроизводя музыку, которая раньше заставляла нас танцевать. Будто издеваясь над нами.

Потом хлопнула пробка, выдернутая из бутылки дешевой водки.

Нас казнят, если кто-нибудь попытается нас спасти. Если бы в Екатеринбурге скрывались солдаты Белой армии, это наверняка заставило бы их замолчать.

Я первой вернулась к черствому черному хлебу.

– Прости меня, папа, – прошептала я.

5 июня

– Для чего мы живем, Настя? – Алексей лежал в постели, а остальные члены семьи вышли на улицу, чтобы совершить первую прогулку в саду. Я решила остаться дома и составить компанию брату – не потому что мне не нравился свежий воздух, а потому что хотела позаботиться о нем.

Я осторожно посадила Джой к нему на колени. Она лизнула игрушечных солдатиков, лежавших лицом вниз на его простыне.

– Что ты имеешь в виду?

Алексей пожал плечами и вытащил игрушку из пасти Джой, затем вытер ее чистым уголком простыни.

– Кто я теперь? Даже если нас отпустят и мы поселимся в какой-нибудь деревеньке, затерянной в России... Кто я такой? Я не буду царем. Я не могу быть солдатом из-за всего этого. – Он указал на свое тело. – Почему так важно выжить?

Я попыталась подобрать нужные слова, вместо того чтобы просто отчаиваться от его безнадежности. Вопрос брата был логичным. И был задан... спокойно. Самое меньшее, что я могла сделать, это ответить тем же.

– Я понимаю, почему тебе так тяжело.

Он потерял свой трон. Все, чему он учился, все навыки, обретенные в детстве, больше не имели отношения к его жизни.

– Но для чего живет твой народ, русский народ? У них нет тронов. Не все из них – солдаты. Так что же ты скажешь о цели их существования?

Он по-птичьему склонил голову набок.

– Очень пронизательно, сестра. Я полагаю, они живут, чтобы заботиться о своих семьях. Следовать за мечтой.

Он потрепал Джой за ушами, и собака свернулась калачиком под одеялом рядом с ним.

– У меня все еще есть семья. И хотя я болен – всегда болен, – я могу думать о новой мечте. Если папа может, то и у меня получится.

– Цель папы – заботиться о русском народе... даже сейчас. Через любовь, прощение и смирение. Может быть, это и есть признак истинного царя. Вне зависимости от того, есть у него трон или нет.

– *Вот* почему ты моя любимая сестра. – Алексей подмигнул мне, и я рассмеялась. Он говорил то же самое каждой из нас, но мне нравилось думать, что в случае со мной он действительно был искренним. – О, и с днем рождения.

Я вздрогнула.

– День рождения?

– Ну... по старому стилю. – Он вытащил небольшой свиток бумаги, перевязанный полотняной лентой. – Полагаю, по новому григорианскому календарю тебе исполнится семнадцать только через тринадцать дней.

Я совсем забыла о своем дне рождения. Когда Ленин изменил календарь с юлианского на григорианский, я перестала следить за большинством дат. Но сегодня, пятого июня, мне исполнилось семнадцать.

Я так долго не брала свиток, что Алексей, наконец, бросил его мне на колени.

– Не думал, что ты когда-нибудь сможешь обойтись без глубокомысленного замечания.

Я приподняла бровь.

– Спасибо, дорогой брат, но я буду праздновать *твой* день рождения по григорианскому календарю, который теперь делает меня на тринадцать старше тебя. – Я сняла ленту с плотной бумаги, уже догадываясь о природе подарка, когда он развернулся. – Пьеса?

– Одну ты еще не ставила. Я стащил ее в наш первый день в Тобольске, чтобы приберечь ко дню твоего рождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.